

КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР

Описывая широкую дугу, в этом месте Обь течет на запад. Пожалуй, даже на юго-запад. Левый ее берег низок, вровень с водой. За узкой полоской песка, на которой можно разглядеть с пяток лодок, начинается малорослый лес. Левый берег пустынен, и человеку приедем это может показаться странным, потому что на другой стороне стоит город Колпашево. Небольшой, всего тысяч на тридцать жителей, но все-таки город.

Однако ничего удивительного в этом нет. И дело не в том только, что в Сибири места для городов вдоволь, стройся где душа пожелает. И даже не в том, что по весне невысокий берег будет заливать вода. Еще десяток-другой лет назад даже августовская вода, самая низкая в году, скрывала то место, которое теперь заросло тальником. Вот почему так молод поднявшийся на левом берегу лес.

Русло реки медленно, но вполне заметно перемещается, и старики помнят те времена, когда кромка берега по левую сторону реки тоже была берегом, но берегом правым, а там, где сейчас идут по речному фарватеру груженные стройматериалами баржи, тянулись дома примыкавшей к Колпашеву деревеньки Благино или, как ее еще называли, Саратовки. А на болотцах рядом местные охотники, бывало, стреляли с обласков уток и гусей.

Отнимая ежегодно у города по несколько метров суши, Обь до неузнаваемости изменила высокий правый берег. Когда-то он отлого спускался к воде, но теперь его можно видеть таким только у речного вокзала. А выше по течению это совершенно отвесный песчаный обрыв. Время от времени еще какой-нибудь кусок берега, подмытый водой, рушится вниз. Чаще это бывает в конце весны или в начале лета, когда заметно прибывает быстрой воды, и особенно в те дни, когда южный ветер гонит на яр волны.

В 1979 г., накануне майских праздников, в очередной раз обвалился край берега почти в самом центре города, в нескольких десятках метров от того места, где обрывается, упираясь в Обь, улица Ленина. Но случай оказался отнюдь не рядовым.

Со стороны реки, с лодок, можно было увидеть страшную картину. Из обрыва, метров с двух, торчали человеческие останки: руки, ноги, головы. Открывшийся срез захоронения имел размеры до четырех метров в ширину и до трех метров в глубину. Трупы в могиле были сложены штабелями, и если верхние полностью истлели, то нижние сохранились на редкость хорошо. По сути дела, это были мумии желтовато-коричневого цвета. Лица, волосы сохранились в такой степени, что, по свидетельству очевидцев, можно было произвести опознание убитых — в затылочной части черепов были пулевые отверстия. Во многих

Полностью текст опубликован в № 155 «Граней» (Франкфурт-на-Майне) и в самиздатовской «Летописи террора» (вып.1, Томск, 1989). С большими сокращениями и цензурными изъятиями напечатан «Молодостью Сибири» (29.04.89) и «Сибирскими огнями» (№ 10, 1989). Отдельные отрывки были также опубликованы «Литературной газетой» (07.11.90). «Толстые» московские журналы рукопись не приняли.

черепках их было по два, причем второе часто приходилось на височную кость.

Первыми обнаружили захоронение мальчишки. Черепа они закидывали в Обь, носились с ними, надев на палки, по городу.

Тогда-то всполошились и взрослые. На берег хлынул народ. Иные из верующих старушек шли туда с иконами. Милиция появилась только часа через два. По случаю праздников не оказалось на месте кого-то из больших начальников, маленькие, явно не зная, что предпринять, ограничились тем, что выставили оцепление, чтобы не подпускать к обрыву людей. Впрочем, это не очень помогло. Захоронение в Колпашеве видели собственными глазами многие.

В дальнейшем события развивались следующим образом. Городские власти пришли в себя от первого шока. Уже в течение суток солдаты строительного батальона обнесли размыв забором, на помощь прислали дружинников, которые дежурили у могилы и на подступах к ней. Милицейский наряд оставался здесь и на ночь.

А за забором начались работы по ликвидации захоронения.

Прошло немало лет, воссоздать объективную картину нелегко; мне самому эта история известна лишь по рассказам свидетелей. Их оказалось вполне достаточно, и все услышанное было записано добросовестно, однако избежать ошибок трудно. Но что в этом неожиданного? Что удивительного в том, что факты стали обрастать домыслами? Природа не терпит пустот, общество — беспамятства. На пустом месте все равно что-то появится. Если нет здорового семени — вырастет сорняк. Так кто в этом виноват?

Непростой вопрос: что, собственно говоря, я пытаюсь написать? Документальный очерк? Слишком много предположительного, слишком зыбки факты, субъективна их оценка. Эссе? Язык противится попытке употребить слово, все еще ощущаемое чужеродным и манерным, когда речь идет о том диком, что произошло не где-нибудь, а у нас, и что нигде более, пожалуй, произойти и не могло.

Уверен, что отсутствием документальной определенности не преминут воспользоваться заинтересованные, скажем так, лица. Более того, подозреваю, что эти люди уже позаботились о том, чтобы документальных свидетельств не осталось и в архивах. Но большим злом считаю не возможные ошибки, а молчание, которым до сих пор была окружена страшная эта находка на берегу Оби. Так и прошу судить написанное: как попытку разобраться — всем миром — в том, что произошло когда-то в сибирском городке.

Поначалу якобы была предпринята попытка раскопать могилу с берега и вывести останки расстрелянных на автомашинах, но скоро от этого отказались. По той простой причине, вероятно, что конфигурация захоронения оказалась непростой (многие местные жители утверждали, что ям было несколько), а число трупов — достаточно велико. Использовать же технику на краю обрыва мешал подвижный песчаный грунт. И тогда было решено попросту размыть берег.

К яру подошел мощнейший, двухтысячесильный буксир серии ОТ¹. Его поставили кормой к берегу, намертво закрепив лебедкой. На полных оборотах заработали винты, и отбрасываемая ими вода ударила под обрыв.

¹ Или его модификация ОТА, внешне они очень похожи (предположительно, это был буксир № 2010 с капитаном Черепановым).

Течение разворачивало буксир, поэтому выше встал под углом к первому еще один, поменьше, который был зачален к берегу и в свою очередь тросом удерживал носовую часть ОТ. Позже, для ускорения работ, рядом поставили второй двухтысячник...

Как уже было сказано, многие трупы сохранились исключительно хорошо. Почему? Во-первых, они находились в песчаной почве, что обеспечивало вентиляцию, необходимую для быстрого — в течение нескольких месяцев или года — высыхания тел. Во-вторых — при погребении использовалась хлорная (или, может быть, негашеная) известь. На срезе захоронения можно было видеть, что людские останки расположены послойно, и разделяют их настилы из досок и прослойки окаменевшей извести. Отмечался также сильный запах креозота. Наличие дезинфицирующих средств, видимо, оградило от гниения трупы в нижних рядах.

Так вот, если черепа и кости, превращаясь в крошево при обвале берега, тут же шли ко дну, то легкие мумифицированные останки выплывали, и река несла их на виду всего города, потому что большая часть сегодняшнего Колпашева расположена ниже по течению: и речной вокзал, и застроенный частными домами жилой район, именуемый Песками, и грузовой порт...

В это время на Оби, кроме размывавших берег судов, находились еще катера и лодки — для того, чтобы перехватывать плывшие трупы. Но их даже не вылавливали. Их топили, цепляя к ногам либо к поясу металлические болванки или же кирпичи, которые складывали попарно и перекручивали проволокой. К поясу — чтобы трупы не стояли вертикально в воде. Поступали и проще: крошили высохшие тела веслами.

Милиции в те дни работы хватало. Придавленные грунтом, некоторые трупы всплывали не сразу, а ночью, когда работы на реке прекращались. И поэтому часов с четырех утра, едва светало, милиция на катерах обследовала берега Оби и Канеровской протоки. Тем не менее, случалось, река уносила людские останки на многие сотни километров вниз по течению — до Новоникольского и Прохоркино, что на севере Томской области.

Два мужских трупа в ватниках были доставлены в морг колпашевской больницы — по недоразумению, если можно так выразиться. Они отмокли в воде, стали беловато-серыми, волосы выпали, надкожица отслоилась. Однако произвести вскрытие разрешено не было. Представители правоохранительных органов забрали тела и увезли их с собой. Известны также случаи, когда местные жители обнаруживали тела и, принимая их за утопленников, сообщали в милицию. Одному из колпашевцев с Песков собственный пес притащил к крыльцу найденную на берегу человеческую руку.

К середине мая все было кончено.

Теперь на месте захоронения что-то вроде оврага, треугольником врезавшегося в берег. Но внизу уже не вода, а намытый рекой песок. В этой удобной бухточке швартуются небольшие речные суда, на песке лежат чьи-то лодки. По откосу — другого подобного рядом нет — легко вскарабкаться наверх. Там мусорная свалка. Свалены в кучу ржавые жестянки, битые бутылки, старое тряпье. О могиле напоминают лишь торчащие из обрыва дощатые стенки подземных ходов — это был настоящий, вполне обустроенный подземный склеп.

Ширина оврага достигает метров двадцати пяти, вглубь берега он уходит

метров на десять. Но это едва ли треть того, что можно было видеть восемь лет назад¹, Обь продолжает подмывать яр. Еще через шесть-семь лет на этом месте будет плескаться вода.

Хотя о существовании могилы колпашевцы в массе своей до мая 1979 г. даже не подозревали, вопрос о ее происхождении не возник, потому что именно здесь, на месте бывшего пустыря, в середине тридцатых годов был построен городок НКВД.

Нынешняя улица Ленина в то время называлась иначе, зато пересекающая ее улица Дзержинского сохранила свое, так сказать, традиционное название. Городок НКВД располагался как раз на их пересечении (если стоять лицом к Оби, то по левую сторону от улицы Ленина, на той стороне улицы Дзержинского, что ближе к реке).

Центральное здание — двухэтажное, сложенное из бревен — стояло на самом перекрестке торцом к улице Дзержинского. Здесь было парадное крыльцо. Здание НКВД замыкало с четвертой стороны П-образный забор, который тянулся вдоль улицы Дзержинского метров на сто пятьдесят-двести. Забор был высок, что-то около четырех метров; наверху, кроме того, была натянута колючая проволока. По одному из рассказов, к концу пятидесятых годов он был наполовину разобран и стал гораздо ниже. Так что, вероятно, забор был поставлен по-чалдонски, без гвоздей: для этого врывали столбы с вертикальными пазами, в которые затем вставлялись горизонтальные доски. Такой забор разобрать до нужной высоты очень легко.

Некоторое время над забором возвышались три сторожевые вышки. Две из них стояли по углам внутреннего двора, третья — ближе к главному зданию, рядом с воротами, выходившими на улицу Дзержинского. Они всегда были заперты. Да и через двери парадного крыльца редко кто заходил в дневное время внутрь. Таким — молчаливым и мрачным — здание НКВД запомнилось колпашевским старожилам. А оно, кстати, сохранилось донныне. Из-за размыва берега рекой, его перенесли на улицу Горького. Слегка перестроенное, обшитое свежим тесом, оно служит сейчас общежитием медучилища.

Река почти полностью завладела той территорией, которая когда-то была обнесена забором. А вот двухэтажный дом № 17 напротив заселен и по сей день. В прежние времена это было общежитие сотрудников НКВД. На той же стороне, на пересечении улиц Ленина и Дзержинского когда-то находился дом начальника НКВД, но его снесли. Исчезли еще несколько зданий, которые когда-то стояли ближе к берегу.

Так по улице Ленина, мимо небольшого сквера под окнами центрального здания НКВД можно было выйти к клубу «Динамо», правее которого находился магазин № 21 для сотрудников НКВД. Там же — еще два-три общежития для них. Городком НКВД назывался весь этот небольшой квартал, и доступ сюда ограничен для местных жителей не был — за исключением «центра», естественно. На стадионе между «централом» и клубом мальчишки гоняли в футбол, и мяч порой перелетал через забор.

Трудно сказать, что было там. Строго говоря, это здание называлось зданием НКВД только в тридцатых годах. Когда был образован Народно-

¹ Очерк был написан летом 1987 г., позже были внесены лишь отдельные дополнения и уточнения. — Прим. 1992 г.

комиссариат государственной безопасности, НКГБ «заимствовал» у НКВД второй этаж, а у парадного крыльца появилась вторая вывеска. В 1946 г. народные комиссариаты были преобразованы в министерства, вывески были вообще заменены. Видимо, по мере всех этих реорганизаций менялся и вид внутреннего двора. С конца пятидесятых годов туда вообще мог зайти любой желающий, ворота были открыты настежь. Но сам двор был тогда уже пуст.

А прежде здесь стояла внутренняя тюрьма: обыкновенная рубленая «в лапу» изба, крытая тесом. На окнах — «ежовские козырьки» (нижняя половина окна заколачивалась наглухо, верхняя также была заколочена, но приоткрыта в небо). По одному из рассказов, стена тюрьмы выходила на улицу Дзержинского. По другому — тюрьма целиком находилась за забором, причем поперек двора стоял еще забор, так что она была ограждена со всех сторон.

Вероятно, совсем недолго, едва ли до конца войны простоял стрелковый тир. Во всяком случае, человек, который пришел работать сюда в 1949 г., категорически отрицал его существование. Зато другой колпашевец, бывший начальник пожарной охраны, бывал в НКВД и прежде и тир этот даже описал. Это было длинное строение, вытянувшееся параллельно улице Дзержинского вдоль дальнего забора. Слева — входная дверь. Рядом со входом — барьер, у которого и становились стрелки. На расстоянии 25 метров — стена с мишенью. В правой ее части — дверь, ведущая в глухую комнату. Якобы туда и уводили приговоренных к расстрелу.

Еще один колпашевец пацаненком, случалось, забирался на деревья и заглядывал через забор. Он тоже говорил о каком-то сарае, дровяном складе или конюшне на том месте, где должен был стоять тир. Однако конюшня (вместе с домиком конюха и дизелем, дававшим ток зданию НКВД) находилась за забором с северной стороны. Впоследствии она использовалась как складское помещение, пока несколько лет назад не сгорела. Говорю об этом столь подробно, поскольку несколько раз конюшня упоминалась в рассказах местных жителей как предполагаемое место расстрелов. Нет, скорее всего, это лишь успешное укорениться заблуждение.

Еще по одной версии, от главного здания вел подземный ход к ямам. Повторяю, остатки каких-то подземных ходов сохранились до сих пор. Если быть точным, сохранились фрагменты трех стенок, поворот под прямым углом (что говорит, кстати, о не слишком простом устройстве всего этого «хозяйства»). Эта версия не покажется такой уж нелепой, если предположить, что для захоронения были использованы какие-то подземные провиантские склады или овощехранилище. Мне приходилось слышать упоминание о каком-то старике-плотнике, который это овощехранилище строил и которого поэтому пытались срочно найти во время ликвидации захоронения. По другим сведениям, из Томска срочно привезли бывшего сотрудника НКВД, ведавшего некогда секретными архивами. Возможно, речь шла об одном и том же человеке.

Увы, опять всего лишь слухи, слухи...

Тогда, в мае 1979 г., слухи Колпашево переполнили. Городским властям пришлось дать разъяснения. Не через печать, разумеется. Местная газета «Советский Север» хранила — прошу прощения за малоуместный каламбур — гробовое молчание. Разъяснения были даны полуофициальным, никого ни к

чему не обязывающим образом — через секретарей первичных парторганизаций, через профсоюзных работников, депутатов исполкомов и т.д. А сводились они к утверждению, что в обнаруженной и поспешно ликвидированной могиле были похоронены расстрелянные во время войны дезертиры.

Дезертиры? Странно, сибиряки — народ не слабодушный...

Давайте разбираться вместе. Каковы были размеры захоронения? Масштабы проводившихся на реке работ говорят сами за себя — не такие уж маленькие. Алексей Николаевич Мальцев, заместитель председателя совета опорного пункта № 1, рассказывал, что только его дружинники отобрали у мальчишек 31 череп. А ведь их отогнали от могилы достаточно быстро.

Вполне достоверным является еще такой факт: буксиры вымыли две приблизительно одинаковые по размеру ямы. С другой стороны слухи разрастались до совершенно фантастических цифр: говорили чуть ли не о 15 000 расстрелянных. Цифра неправдоподобно велика. Вспомните хотя бы о местонахождении городка НКВД и размерах центральной его части. Рискну предложить весьма осторожную оценку: расстрелянных была не одна сотня, но в пределах тысячи. Не многовато ли дезертиров для маленького сибирского городка, в котором по переписи 1938 г. проживало 14 857 человек? Правда, Колпашево был центром обширного района, возникшего на месте Нарымского округа, но заселен он был, прямо скажем, негусто. Да и какой смысл свозить в Колпашево дезертиров и тайком, так чтобы никто и никогда об этом не слышал, расстреливать их, если единственной целью подобных акций во все времена было установление в армии и обществе железной, беспрекословной дисциплины? Да и вообще, как могло процветать дезертирство среди коренного населения Сибири, если это практически неизбежно должно было повлечь за собой репрессии против остальных членов семьи?

Тогда, может быть, речь идет о каких-то пришлых людишках, которые пробрались сюда из западных районов страны? Как? Через топи и тайгу — немислимо. А единственный путь — по Оби — всегда находился под жестким контролем.

Спецпереселенцы? Да, во время всеобщей коллективизации в Нарымский округ было сослано немало семей раскулаченных. О масштабах этой высылки, кстати, косвенно свидетельствуют цифры невероятного роста площади пахотных земель за счет раскорчевки леса и осушения болот: в 18 раз в 1939 г. по сравнению с 1911 г. И это при обеспеченности земель в 1929 г. по 0,8 га на одного едока в хозяйствах единоличников и по 1,4 га — в коммунах. А вот цифры Рассамахина Ю. К., научного сотрудника колпашевского филиала Томского краеведческого музея: спецпереселенцев было 192 000 человек, причем число выживших в течение первых двух-трех лет составляло, по его оценке, около 40%. Последняя цифра ошеломляет, но не забывайте, при каких обстоятельствах спецпереселенцы попадали в ссылку: либо в холода, по зимникам, либо — чаще так оно и было — на баржах в короткое северное лето. А устраиваться приходилось на голом месте, со стариками и детишками на руках, с минимумом посевного материала и без опыта того, как можно растить на болотах хлеб.

И было бы наивно думать, что среди репрессированного крестьянства не было озлобленных людей. Не могло не быть. Но вплоть до 1943 г., то есть пока в войне не произошел перелом, спецпереселенцев вообще не призывали на фронт.

Конечно, это всего лишь общие соображения. Но можно привести и

конкретные свидетельства весьма и весьма информированных людей. Александра Матвеевича Большакова старые колпашевцы помнят хорошо, хотя тот уже давно перебрался в Томск, где и удалось его разыскать. Большаков в свое время занимался хозяйственной и партийной работой, в годы войны был председателем РИК Колпашева. И вот он, Александр Матвеевич, знает о единственном случае дезертирства. У Большакова удивительно ясная память несмотря на почтенный возраст (он 1899 г. рождения), а вот тут, к сожалению, фамилию человека, о котором идет речь, забыл. История тогда произошла следующая. Некто Тимофей, немолодой уже охотник, был призван в армию в конце 1941 г., но по повестке не явился, укрывшись в тайге. Через год был все-таки пойман и осужден. Однако и его не расстреляли, а отправили на фронт в штрафную роту, где он и погиб.¹

И еще один факт, который с версией о расстрелянных дезертирах никак не согласуется: в могиле встречались и останки женщин.

Короче говоря, разъяснения горкома партии напоминают неловкую отговорку, от которой скверно пахнет. Или, если избегать излишней категоричности: возможная толика правды использована для того, чтобы создать общую неверную картину. Цель — не потревожить тихую болотную жизнь — достаточно прозрачна, и если не является простительной, то во всяком случае понятна. Но задумайтесь, пожалуйста, дорогие ответственные товарищи, — так и хочется заглянуть вам в глаза, — какими средствами вы этой цели добивались: фактически вешали на колпашевцев грех массового дезертирства.

Зачем же так собственный народ срамить? И во имя чего? Неужели так вкусен и сытен аппаратский паек, что страх его потерять заслоняет все остальное?

Впрочем, сами колпашевцы в рассказы о дезертирах не очень-то поверили, оснований для этого достаточно.

Расстрелы явно носили групповой характер — как это и было на самом деле в конце тридцатых годов. Вспомните дощатые настилы (еще их называли «коробами»). Размеры каждого такого «короба» составляли 3–4 метра в длину, 2–3 метра в ширину и немногим более метра по вертикали. Видимо, когда трупы заполняли этот объем — а укладывали убитых плотно, «валетом» — их засыпали хлорной известью для предотвращения гниения, затем закрывали настилом из досок. Ясно, что использовать длительное время такой полусклеп-полумогилу было просто невозможно. Массовые репрессии в истории нашей страны были, о массовом дезертирстве я слыхом не слыхивал. Вот и судите сами, кто мог быть погребен в могиле на берегу.

Дезертиров расстреливали открыто, часто — перед строем. Здесь же убивали тайком, воровски. В некоторых «коробах» была отдельно собрана одежда. То, что она не попала в магазин, через который распродавали реквизированные вещи (подобный магазин в Колпашеве существовал), может свидетельствовать в

¹ От свекра своей сестры, Комарова Андрея Константиновича, который сам был заседателем «троек» военного трибунала с 1941 г., слышал, что смертные приговоры в тылу действительно выносились, но лишь до создания штрафных частей осенью 1942 г. На его памяти было всего пять таких случаев. Однако органы НКВД дезертирами не занимались вообще. Во всяком случае — в Кутаиси, Цхакая и Тбилиси, где Комаров А. К. служил в авиачастях. «Тройки» военного трибунала подчинялись вышестоящим инстанциям того же армейского подразделения, а следственный материал готовила военная прокуратура.

пользу того, что среди уничтоженных были местные жители, и органы НКВД позаботились о том, чтобы избежать любой утечки информации. Доводилось слышать, что среди найденной в могиле одежды была и такая, которая в сороковые годы из употребления вышла: армяки, лапти.

Наконец, мне известен случай, когда умершего в 1943 г. во внутренней тюрьме подследственного похоронили на городском кладбище. Речь идет о Белягине Парфене Яковлевиче. После шести месяцев пребывания в НКВД он скончался и был вместе с двумя другими умершими арестованными похоронен в общей могиле, в одном ящике на троих вместо гроба. Могилу родственникам позже показали.

2

Если в колпашевской могиле были захоронены останки невинно замученных людей, как тогда расценить то, что происходило на обском берегу восемь лет назад? Повторное убийство? Когда-то были истреблены люди, а четыре десятилетия спустя — самая память о них... Если не это варварство, то что же тогда — варварство?

Ну, а если это была могила преступников? Цивилизованное общество смогло бы найти разумный выход. Как видно, не в достаточной мере свидетельствует о цивилизованности одна лишь способность выжечь кирпич, вытянуть проволоку и построить мощный буксир.

Без обиняков: в дезертиров не верю ни на грош. Мало ли что приходится пастве слышать свыше во избавление от ненужных душевных волнений. Никаких документов, как это у нас принято, обнародовано городскими властями не было. Пользуясь законным правом верить или не верить на слово — не верю.

Хочу поделиться скудными, к сожалению, сведениями, через которые можно добраться до фактов, а через факты — и до истины. Может быть, что-то удастся узнать и другим. Для начала — два списка, которые мне посчастливилось получить от журналиста из Колпашева Сергея Уразова. Ничего сенсационного они не содержат, известных имен вы не встретите, но все-таки взгляните на них. Как-то яснее становится, из какого мы родом детства. В них названы около шестидесяти человек, которые потенциально представляли собой, говоря казенным языком того времени, контингент для соответствующих учреждений.

*ф. 588 оп. 1 д. 351
листы 41–44*

секретно

СПИСОК УВОЛЕННЫХ ИЗ АППАРАТА ОКРИСПОЛКОМА И ЕГО ОТДЕЛОВ КАК КЛАССОВО-ЧУЖДЫХ СОВ. ВЛАСТИ И НЕ ОПРАВДАВШИХ СЕБЯ НА РАБОТЕ

фамилия	место работы	должность	данные
1. Строганов	окрфо	инспектор товарооборота	политссылный- троцкист
2. Турин	-"-	экономист по лесоведению	политссылный-троцкист

3. Востротин	-"	инспектор по анализу балансов	б/адмссильный
4. Малахов	-"	ст. инспектор госдоходов	служил в белой армии
5. Браунштейн	окрзу	плановик	политссылный-меньшевик
6. Шигаев	-"	счетовод	адмссильный
7. Даценко	-"	ст. агроном	б/адмссильный
8. Истомин	-"	бухгалтер	б/адмссильный
9. Милевский	-"	птицевод	б/дворянин и полковник белой армии
10. Еремеев	-"	зоотехник-пчеловод	как разложившийся. Пьянство и бездеятельность
11. Зуев	-"	зоотехник	привлекался за вредительство. Уволен за бездеятельность
12. Бахтин	-"	агроном	адмссильный
13. Брашна	-"	статистик	дочь кулака
14. Солнцев	окршлан	плановик	троцкист
15. Семенов	-"	-"	-"
16. Кирсанов	окрвнупторг	экономист торг. конвенции	-"
17. Гинсбург	-"	экономист торг. конвенции	-"
18. Файбушевин ¹	-"	экономист промтоварной группы	б/адмссильный по ст. 58 УК п. 10, 13
19. Комарова	-"	машинистка	б/адмссильная по ст. 58 п. 6, 10
20. Панов	-"	б/зав. окрвнупторгом	колчаковский доброволец
21. Чернов	-"	-"	связь с чуждым элементом, за что был исключен из рядов ВКП(б) и уволен
22. Левицкий	ОМХА	экономист	политссылный-троцкист
23. Лебедев	окрнархозучет	-"	б/адмссильный по ст. 58 п. 14
24. Тишин	окрздрав	санинспектор	как разложившийся сужден по ст. 154
25. Ракина	секритариат ОПКА	машинистка	б/адмссильная по ст. 58 п. 6
26. Канаев	-"	тех. секретарь	за пьянство и прогулы
27. Сальников	орготдел ОИК	ответ. исполнит. по столу жалоб	то же

копия (1937–38 гг.)

секретно

**СПИСОК
ЛИЦ СУЖДЕННЫХ, ВЫЧЕЩЕННЫХ² ИЗ ПАРТИИ И КЛАССОВО-ЧУЖДЫХ, НО
ПРОДОЛЖАЮЩИХ РАБОТАТЬ В АППАРАТЕ ОКРИСПОЛКОМА И ЕГО ОТДЕЛАХ**

1. Грозина Надежда Львовна	секретариат	машинистка	б/ссылная по ст. 58–11 с 1931 г. по 1933 г. освобождена досрочно
2. Лямых Илья Александрович	орготдел ОИК	инструктор	служил в белой армии, за что исключен из рядов ВКП(б)
3. Владимирский Гурий Николаевич	окрзу	статистик	сын священника (Владимирскому 64 года)

¹ или Файбушевич? – В. З.

² именно так, здесь и в других местах орфография подлинника сохранена. – В. З.

4. Стус Иван Андреевич	-"-	счетовод	отец спецпереселенец. Сужден за растраты в сберкассе по ст.111 УК
5. Орлов Михаил Иосифович	-"-	инспектор бюджета	б/адмссылный по ст. 58 п. 10
6. Афанасьев Леонид Николаевич	-"-	бухгалтер	писарь 12 Бугулинского полка белой армии
7. Петров Александр Петрович	окрфо	инспектор госнормирования	мл. писарь Егерьского батальона белой армии с февр. 1919 по февр. 1920 гг.
8. Анциферов Виталий Михайлович	-"-	инспектор	служил в белой армии в Чистопольском полку и Камском десантном отряде с VIII.18 г. по V.19 г. и в отряде охраны госценностей в Чите с V.19 г. по X.20 г. Осужден по ст. 58-13 к заключению в лагеря на 5 лет
9. Билевич Николай Николаевич	-"-	инспектор	из дворян. Штабс-капитан белой армии с июля 1918 г. по март 1920 г. В отряде офицеров в офицерском батальоне
10. Дворников Трофим Никифорович	-"-	инспектор	юнкер белой армии с февр. 1919 г. по дек. 1919 г.
11. Добротин Владимир Павлович	окрздрав	санинспектор	сын священника (36 лет)
12. Биллунская Калерия Ричардовна	-"-	машинистка	адмссылная по ст. 58
13. Арнольдов Евг. Валентинович	окрплан	экономист	мл. офицер 53 стр. полка белой армии
14. Громов Владимир Владимирович	окрвнупторг	-"-	б/адмссылный по ст. 58, п. 10 и п. 13
15. Русанов Иван Васильевич	-"-	инспектор торговли	в б. армии с сент. 1918 г. по дек. 1919 г. В дек. 1919 г. перешел в партиз. отряд Мамонтова
16. Рахметов Вениамин Наумович	окроно	инспектор по ликвидации неграмотности	исключен из ВКП(б) за протаскивание троцкизма в теоретич. трудах
17. Степанов Петр Клементьевич	-"-	инспектор по работе с учителями	сын священника (35 лет)
18. Улитко Мариан Алексеевич	-"-	экономист-плановик	писарь при штабе 47 сиб. стр. полка б/армии с мая 19 — сент. 19 г. Сужден по ст. 111 УК
19. Шаховская Мария Борисовна	окрдоротдел	машинистка	адмссылная по ст. 58.
20. Лидер Давид Леонтьевич	-"-	завдор. отделом	служил в белой армии в 1919 г. Исключен из ВКП(б)
21. Чекулаев Дмитрий Васильевич	окрнархозучет	экономист	б/адмссылный
22. Чернаков Георгий Васильевич	окрисполком	тех. секретарь	сужден по ст. 116 УК (растрата) в 1935 г.

24. ¹ Пальгунов Михаил Михайлович	окрзу	охотовед	сужден по ст.116 и 120 (растрата и подлог). Заменено штрафом
25. Овсянников Иван Иванович	окрздрав	бухгалтер	сужден: в 26 г. за халатное отношение и растрату. В 32 г. за превышение власти. В 34 г. за хулиганство
26. Карелин Григорий Кириллович	-"-	счетовод	сужден в марте 1937 г. по ст. 109 и 120 УК – подлог в документах
27. Евдокимов Кузьма Григорьевич	окрвнупторг	инспектор	сужден за нарушение финдисциплины
28. Чайковский Иван Антонович	-"-	-"-	сужден в 1930 г. по ст. 111 УК
29. Тель Яков Кузьмич	окроно	инспектор по ликбезу	сужден по ст. 111 УК
30. Башкиров Григорий Максимович	ОКХА	зав. ОКХА	тоже, освобожден досрочно
31. Калиновский Казимир Леопольдович	окроно	инспектор	сужден в 1925 г. по ст. 98 УК
32. Бельножко Александр Михайлович	архивн. бюро	секретарь	сужден по ст. 111 в 1932 г.

Председ. окрисполкома – (подпись)²

Вы заметили, по какому принципу составлены списки? Не по алфавиту, уж скорее по отделам. Но и он соблюден не слишком строго (во всяком случае во втором списке). В первую очередь перечисляются люди, у которых в графе, носящей примечательное название «данные», значится: административный ссыльный, «та самая» статья 58, троцкист, бывший белогвардеец и т.д. Это, так сказать, «первородный классовый грех». И лишь позже перечислены те, кто обвинен в растратах, пьянстве, подлогах и т.п. – словно бы в довесок. Причем составитель списков не считает нужным давать какие-либо пояснения к многочисленным пунктам статьи 58. Похоже, он ее зазубрил так же, как в во времена иные зубрили «Отче наш». А вот рядом с уголовными «мелочами» вроде статей 116, 119, 120 такие пояснения присутствуют.

Очень часто в качестве «первородного греха» называется троцкизм, что само по себе еще не повод для симпатий. Хрен редьки не слаще. Попытка разрушить товарно-денежные отношения и одновременно обеспечить экономический рост с неизбежностью произвела бы на свет такого монстра принудительного труда, каким был Гулаг. Аппарат принуждения, достигнув критической массы, занялся бы самоистреблением... История закономерно проделала бы тот же путь, только другие имена были бы оплеваны в школьных учебниках и другими именами была бы заплевана страна в новоявленных названиях городов и улиц. Но не о том сейчас речь. Существенно другое.

В январе 1924 г. Троцкий выступил с работой «Новый курс», содержащей

¹ ошибка нумерации? – В. З.

² подпись неразборчива, похожа на «Макаров». – В. З.

лозунги свободы фракционной деятельности, защиты внутрипартийной демократии. Для Троцкого это был важный шаг с целью узаконить свое особое положение «главы теневого кабинета», которое его, теоретика и демагога по совместительству, в этот момент вполне устраивало и обещало реальную полноту власти в будущем.

На руках у Сталина оказался крупный козырь. Если бы рядом со Сталиным не было Троцкого — он бы его выдумал. И так, всякое своемыслие — это уже фракционность, следовательно, — раскол партии, троцкизм чистой воды, который надо вырубать под корень. И вырубали. Так что к ярлыку «троцкист» надо относиться осторожно. Ярлык есть ярлык. Когда дело доходит до того, чтобы поделить общество на чистых и нечистых, без ярлыков не обойтись. Это что-то вроде казенного штампа на тюремном одеяле. После того, как оно наброшено, можно без пощады бить руками и ногами, живого человека не видно. Избиваемый не видит, кто бьет, бьющие не видят куда бьют. Политическая темная зиждется на тех же принципах.

За примерами далеко ходить не надо. Так в воспоминаниях Н. Штемпель о Мандельштаме приводится выдержка из воронежской газеты, где поэт обвиняется в троцкизме. Мандельштам — троцкист? Ну и ну! Если бы не расстрелы и концлагеря, идейная борьба того времени весьма походила бы на игры детей, страдающих дебильностью...

Вернемся к спискам. Я далек от мысли, что все названные в них люди — непременно без вины пострадавшие. Мемориальная доска в память о жертвах тирании, уверен, рано или поздно появится в Колпашеве, но какие имена будут на ней выбиты, пока говорить рано. Так, встретив знакомую фамилию во втором списке, одна милая старушка, на добрые слова явно поскупилась (да и лихолетье человека этого вообще не коснулось). Но вопрос симпатий и антипатий — отнюдь не вопрос законности¹.

Вопрос стоит по-другому: если искать репрессированных колпашевцев, то логично было поискать таковых и среди тех, кто здесь перечислен. Особого внимания заслуживает первый список, где названы те, кого уже «уволители». Бросающаяся в глаза деталь: фамилии указаны даже без инициалов.

Впрочем, списки небезынтересны и сами по себе.

Ленин, решая вопрос, «на какой работе должны практически выделяться и выдвигаться наверх... организаторские таланты», предлагал в качестве рецепта организацию соревнования. «В какой коммуне... нет голодных, нет безработных, нет богатых тунеядцев, называющих себя интеллигентами? в какой больше сделано для повышения производительности труда? для постройки новых хороших домов для бедноты, для помещения ее в домах богачей? для правильного снабжения бутылкой молока каждого ребенка из бедных семей?» (ППС, т. 35, с. 204–205). Вопрос, надо сказать, исключительной важности для тех, кто жаждет подняться по ступенькам власти наверх. Как знать, уж не эти ли слова

¹ Кстати, вас не удивляет устоявшаяся реабилитационная политика по отношению к жертвам сталинского террора, когда стыдливо замалчиваются имена тех, кто был непосредственно повинен в преступлениях режима, но позже самим же Сталиным был уничтожен? Прокуратура не считает нужным заявлять протест по их делам. А ведь по отношению к ним судебные процессы были такой же точно фальсификацией, и если они заслуживали возмездия, то за иные свои деяния.

из статьи с безобидным названием «Как организовать соревнование?» использовали «организаторские таланты» образца тридцатых годов в качестве своего «трудового» манифеста... Тем более, что говорит об этом Ленин в самом значимом месте, в финале, подчеркивая при этом: «они (*организаторские таланты*. – В. З.) и только они смогут спасти Россию и дело социализма».

В 1930 г. с безработицей покончено, биржа труда закрыта. Сельскохозяйственное производство – на уровне 1913 г., это дало основание Сталину заявить во всеулышание, что отныне советский народ сыт. Что остается? На молоке для детишек карьеры не сделаешь. Хорошие дома быстро не строятся, а время торопит. На третьем съезде комсомола Ленин говорил о поколении, «которому сейчас 15 лет и которое через 10–20 лет будет жить в коммунистическом обществе» (ППС, т. 41, с. 318). Это было сказано в 1920 г., и чтобы подтвердить теорию практикой, которая одна является критерием истины, надо уложиться к 1940 г.

Нетрудно себе вообразить, как излишне «смышсленный» рабфаковец, разбирая по слогам одну из основополагающих работ Ленина, начинает понимать, что с молоком для детей много неясного, а вот взяться за «тунеядцев, называющих себя интеллигентами» – это беспроигрышно. Замечательное соцсоревнование можно устроить. Глядишь, под палкой и производительность труда поднимется. А чем же ее еще поднимать? С деньгами ведь скоро покончим...

В сталинской теории обострения классово-борьбы можно увидеть не только психическую патологию ее автора, но и страшную внутреннюю логику, выражающую потребность в создании механизма для смены руководящих поколений. И такой «механизм», своей конструкцией напоминающий мясорубку, был создан.

Рисковую выглядит смешным, но все-таки напомним, что незадолго до появления «черных списков» колпашевского окрисполкома» (сами списки можно датировать по содержанию не ранее, чем мартом 1937 г., года, по году архивной папки – не позже 1938 г.) в декабре 1936 г. вступила в силу вторая конституция, которая в своей 10 главе гарантировала и равноправие граждан, и политические свободы: совести, слова, печати, собраний, объединения в общественные организации, неприкосновенность личности, жилища и т.д. Уже первый список «уволенных» очевидным образом свидетельствует о репрессиях не в соответствии с некими судебными «ошибками», злыми кознями отдельных лиц, а о централизованной, санкционированной сверху, антиконституционной и потому преступной – по меркам сталинских же законов – политике. «Ошибка» и «преступление» – два разных слова. А *политика*, направленная на уничтожение слоев населения по некоторому признаку, есть, в соответствии с общепринятыми нормами права, *геноцид*, то есть преступление перед человечеством, не имеющее срока давности, и этого слова не надо бояться. Школьникам младших классов, прежде чем давать пионерскую присягу, следует хорошо уяснить, что такое геноцид и причину, по которой они должны помнить смысл этого слова.

О судьбе людей из «черных списков» могу сказать немного.

Не пострадал Лячих И. А. Уже после войны умерли Анциферов В. М., Громов В. В., Русланов И. В., Чернаков Г. И., Евдокимов К. Г. Впрочем, на всех них либо нет «первородного греха», либо он не слишком велик. А вот фамилии тех,

кто в конце тридцатых был репрессирован: Кирсанов, Рахметов Б. Н., Степанов П. К., Улитко М. А.

Что стало с ними? Арест — это еще не гибель. Вроде бы в 1942 году был жив Рахметов Б. Н. За ним значится «протаскивание троцкизма в теоретических трудах». Стало быть, и теоретические труды имелись. Рахметов — это псевдоним, и, думаю, не надо пояснять, откуда он заимствован. Палачи предпочитали псевдонимы «пожестче». Про Рахметова рассказывали, что это был человек весьма образованный, в ссылку привез много книг. Его жена преподавала историю, ее тоже арестовали (напомню, что именно в период подмены подлинной истории ее «кратким курсом» пострадали многие историки и преподаватели общественных наук).

Также преподавала историю жена Степанова П. К., она была арестована с мужем. А тут след, возможно, ведет в колпашевскую могилу. Среди трупов видели останки женщины, которая по приметам (доха, золотые зубы) была похожа на нее. Говорят, была замечательной рассказчицей...

Из письма Николая Клюева Сергею Клычкову в июне 1934 г.:

«Поселок Колпашево — это бугор глины, усеянный от бед и непогодиц избами, дотуга набитый ссыльными. Есть нечего, продуктов нет или они до смешного дороги. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подавать некому, ибо все одинаково рыщут, как волки, в погоне за жраньем. Вспомни обо мне в этот час — о несчастном — бездомном старике поэте, лицемерие которого заставляет содрогаться даже приученных к адским картинам человеческого горя спецпереселенцев. Скажу одно: „Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве!“ Небо в лохмотьях, косые, налетающие с тысячевеерстных болот дожди, немолчный ветер — это зовется летом, затем свирепая 50-градусная зима...»

Да, Николай Клюев тоже был здесь. И в каком-то другом списке могло стоять против его фамилии в графе «данные»: адмссыльный, ст. 58 п. 10. Тогда же, в первые недели ссылки, Клюев писал с присущим ему надрывом и Н. Ф. Христофоровой-Садомской о том месте, куда его забросила судьба: «Население — 80% ссыльных — китайцев, сартов, экзотических кавказцев, украинцев, городская шпана, бывшие офицеры, студенты и безличные люди из разных концов нашей страны — все чужие друг другу и даже, и чаще всего, враждебные, все в поисках жранья, которого нет, ибо Колпашев — давным-давно стал обглоданной костью. Вот он — знаменитый Нарым! — думаю я. И здесь мне суждено провести пять звериных темных лет без любимой и освежающей душу природы, без привета и дорогих людей, дыша парами преступлений и ненависти! И если бы не глубины святых созвездий и потоки слез, то жалким скрюченным трупом прибавилось бы в черных бездонных ямах ближнего болота... безмерно сиротство и бесприютность, голод и свирепая нищета, которую я уже чувствую за плечами. Рубище, ужасающие видения страдания и смерти человеческой здесь никого не трогают. Все это — дело бытовое и слишком обычное. Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве. Недаром остяки говорят, что болотный черт родил Нарым грыжей. Но больше всего пугают меня люди, какие-то полу-псы, люто голодные, безблагодарные и сумасшедшие от несчастий. Каким боком прилепиться к этим человекообразным, чтобы не погибнуть? Но гибель неизбежна».

Но погиб Клюев не в Колпашеве, в октябре 1934 г. он был переведен в Томск. Судьба дала ему еще несколько лет жизни.

Если уж говорить о Клюеве, то предположений, где погребены его останки, немало. Вот еще одно.

От архивиста-историка Н. Г. Охотина мне попало в руки письмо Морозова Игоря Константиновича из деревни Великуша Гдовского района Псковской области с рассказом еще об одном страшном, подобном колпашевскому, случае, который произошел, когда он учился в томском коммунально-строительном техникуме.

«...летом 1956 года две группы ПГС-ников должны были проходить строительную практику. Дали нам строить на пустыре возле Томской пересыльной тюрьмы, у самой стены закрытого для захоронений старинного <...> польского кладбища, здание то ли собственного техникума, то ли артиллерийско-зенитного училища.

Начинать надо было с котлована. Расчетная глубина промерзания в Сибири 2,5 метра, и, следовательно, котлован должен быть глубиной в 3,9 метра. Рядом с нами работала бригада нормальных строителей. Они кувалдой разбивали на бутовый камень скульптуры и памятники польского кладбища и бетонировали фундамент 100-квартирного дома через улицу напротив.

Меня назначили бригадиром этого сводного отряда. Студенты <...> сделали забой, копали, естественно, лопатами, а грунт катали наверх тачками. На пустыре рос могучий бурьян, и из бараков, где жили с семьями надзиратели тюрьмы, ежедневно на веревке приводила коровушку старушка.

Однажды, когда я с прорабом Пятовым из подрядного управления закрывал наряды, меня позвали в котлован. Студенты густой толпой окружили место в забое, где что-то раскопали двое, Тамара Крузова и Францев. Обвалилась тяжелая глиняная стена забоя и <открылось> жуткое зрелище. Беспорядочно, вперемешку с узлами и чемоданами лежали не скелеты, а люди, но их тела были не из мяса, а из чего-то похожего на воск или мыло.¹ Со многими стало плохо. Я попросил всех уйти, а сам пошел звонить директору техникума Горбенко. Он оказался на месте, выслушал меня, и обещал приехать.

Часа через два на двух „Победах“ приехали какие-то руководители. Наши доброхоты на совковой лопате подали голову в зимней шапке с истлевшим верхом. На лице черепа сохранились ткани, из головы текло, а вот все зубы были из золота красноватого, а не желтого цвета. С края лежал чемодан, сооруженный, видимо, каким-то сельским умельцем. Чемодан из досок, хорошо выструганный, соединенный „в шип“, отлакированный черным лаком и с какой-то комодной ручкой. Меня попросили открыть чемодан. Несмотря на нарядный лак, чемодан подгнил и легко развалился. В нем — беспорядочно скомканное белье, шевииотовый черный костюм, несколько книжечек стихов, одна из них — „Москва кабацкая“, фотографии и две полных, запечатанных коричневым сургучом бутылки довоенной „Московской особой“ водки. <...> Все стали удивляться, что за могила? А старушка с коровушкой на веревке сказала: „Э, милые! Да тут весь Каштак на костях стоит“. На одной из фотографий были двое, С. Есенин и

¹ Жировоск, образуется из мягких тканей трупов при нахождении тела в болотистой почве.

мужичок в шляпе. Книжки и фотографии начальство забрало с собой. После их отъезда мы раскупорили бутылку, понюхали — пахнет водкой. Пить не решились ни я, ни заядлые алкаши Сеня Влох и Леха Шахманов. Юра Чупрунов спросил, что делать с золотыми зубами, он их наломал пригоршню. Мы его отлаяли за мародерство, и он при нас забросил зубы в картофельные грядки. На следующее утро мы к работе не приступили. Нам разрешили несколько дней отсутствовать, а я остался, чтобы закончить с прорабом наряды. Снова пришла старушка с буренкой и рассказала, что она вдова надзирателя еще с царского времени, а могил таких еще много. Когда в 37 году арестованных со всей Западной Сибири свозили в Томск, то в самой тюрьме места не было. Люди с вещами ждали ночи во дворе. А тем временем уголовники на пустыре копали ямы. Ночью арестованных без суда и следствия по пять человек выводили на пустырь и из наганов выстрелами в голову убивали, сваливая в ямы вместе с вещами. Решение тройки НКВД выносилось после, по мере канцелярских возможностей.

Пока студенты вынужденно отдыхали, были наняты на временную работу „заисточенские“ татары (бравшиеся за любые хорошо оплачиваемые работы) и, по цене 25 рублей за 1 куб. м покойников, ночами их куда-то вывозили. В 1959 году, в первую годовщину окончания техникума, я приехал на вечер встречи, и мне рассказали, что Горбенко теперь уже в техникуме не работает, а работает мастером в РСУ после исключения из партии. Он, оказывается, был членом тройки НКВД, в звании майора руководил этой малопочтенной организацией и, видимо, знал об этих ямах на пустыре»¹.

И все-таки — не могу объяснить почему — как-то особенно щемит сердце, когда выплывают из бездны совершенно безвестные имена. О Клоеве уже не забудут, он творчеством своим создал память о себе. А кто не успел, не смог? кто, оболганный, забытый и уже никому не нужный, лег костями, по которым ретивые служаки карабкались вверх? и память о ком уходит на глазах с уходом старшего поколения?

Существует ли иной, равный по цинизму способ надругаться над тем, что люди называют смыслом жизни, — без всякой нужды, походя растоптать чужую незнакомую жизнь и тут же забыть о ней?

Удалось узнать, что колпашевскими органами НКВД среди многих других были схвачены: работник профсоюза учителей Леонсон, прокурор Пинчук, хирург Ной Яковлевич Иоффе, работник исполкома Ермолович, ленинградцы Александр Ильич Светланов и Евгений Арсеньевич Потехин, первый секретарь Нарымского окружкома Карл Иванович Левиц, врачи супруги Кузнецовы. Трагически погибла другая семья — Девятовых. Муж был арестован, жена потеряла с горя рассудок и покончила с собой, бросившись в прорубь на Оби. Без родителей остались двое детей, учившиеся в то время в девятом и пятом классах.

Ермоловича называли жертвой оговора. Вспомнил Ермоловича и бывший

¹ Когда я передал томскому отделению «Мемориала» этот отрывок из письма Морозова, оказалось, что томичам удалось получить документы, свидетельствующее о том, что Клоев был расстрелян в томской пересыльной тюрьме. До этого в ходу было две версии. По одной из них, Клоев умер в лагере, в бане, в результате нелепой случайности. По другой — был выпущен на свободу, в поезде тяжело простудился, был высажен на каком-то полустанке, где и скончался. — Прим. 1989 г.

председатель РИК Колпашева Большаков М. А. — без особого сожаления. По его словам, Ермолович, работавший в военном отделе (*исполкома? — В. З.*), был осужден как колчаковский осведомитель. Но это как раз возможность оговора не исключает.

Известно, что на свободу вышли Левиц К. И. и Иоффе Н. Я. Последнего из них незадолго до войны видели в Томске. Скрюченный и изможденный, выглядел он очень плохо. Говорил, что в тюрьме его страшно били и, вероятно, повредили позвоночник. А погиб он позже, на Курской дуге.

Может быть, о судьбе кого-то из этих людей могли бы рассказать их дети и внуки? После ареста отца уехал из Колпашева сын Рахметова Эрик. Где-то в Москве живет дочь Девятова Галина (в замужестве — Кузьменко), ее муж Иван Кузьменко одно время работал врачом в ансамбле песни и пляски Советской Армии под управлением Александра.

Еще одно имя — пианистка Мария Александровна Морозова.

В конце марта 1936 г. в Колпашеве состоялись концерты Рейнгольда Морицевича Глиэра. Они были даны в шефском порядке, два в один день, и перед гастрольной поездкой в Сибирь заранее не планировались. Большой мастер захотел сделать подарок сибирякам. Находясь в Новосибирске, он обратился с открытым письмом к редакции газеты «Советская Сибирь», где, в частности, говорилось: «изъявляю желание обслужить северный район края и отправиться на самолете с ансамблем, состоящим из артистки К. А. Булгаковой и балетной пары Г. Е. Кениг и Н. В. Гаев, — в Колпашево».

Ему помогли. После не слишком комфортабельного перелета Рейнгольд Морицевич очутился, как ему казалось, в самой-самой сибирской глубинке. И каково было удивление Глиэра, когда в этом маленьком городке, в таком отдалении от столичных центров он не только нашел людей, способных по достоинству оценить серьезную музыку, но и нашел свою собственную музыкальную жизнь. Да, в Колпашеве — «бугре глины, усеянном почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссыльными» — были свои таланты. И в первую очередь — Мария Александровна Морозова, прекрасная пианистка с редкостным педагогическим дарованием. Именно благодаря ей преподавание музыки здесь было поставлено столь высоко, что это вызвало у Глиэра радостное изумление.

Давно замечено, что истинный талант способен яркой своей силой высветить одаренность и в других. Среди немногочисленных колпашевских интеллигентов к музыке было особенное отношение. Любопытная деталь: когда преподавателю математики Евгению Арсеньевичу Потехину — ученики его звали Бессемером — надо было навести порядок во время перемены в расшумевшемся классе, он не говоря ни слова садился за фортепьяно. С первыми же аккордами всякий шум тотчас прекращался. Затрудняюсь представить себе подобную сцену в школе, где учился я.

«Кого любит Бог, тот любит музыку...» — кажется, так говорят итальянцы?

Одним из островков культурной жизни в Колпашеве был дом № 16 по ул. Советский Север. Когда-то — да и сейчас некоторые старожилы помнят об этом — он назывался «домом просвещенцев». Жили там в основном учителя и работники окружного отдела народного образования. Жили дружно, с общими для всех праздниками и горестями. И когда началась полоса арестов — бессмысленных,

жестоких — то терзали они маленькую коммуны просвещенцев, словно один живой организм, с садистской методичностью по кусочкам вырывая из него живую плоть. Были тогда арестованы и Потехин и Морозова...

Многие из этих подробностей я узнал от Галины Михайловны Никифоровой, которая и сейчас живет в Колпашеве. Печальна ее собственная судьба. В 1937 г., когда ей было 14 лет, она потеряла отца, Смирнова Михаила Георгиевича.

Их семья также жила в «доме просвещенцев». Отца Галины Михайловны арестовали 3 сентября 1937 г. Сотрудников НКВД было трое. Признаться, в рассказе Галины Михайловны меня ошеломила ее фраза о старшем опергруппы, Калинине: «он был человеком порядочным». Век живи, век удивляйся незлобливости русского характера... Оказалось, что, производя обыск, Калинин заметил под вазой облигации государственного займа, но не позволил их забрать своему подчиненному. Тот тоже заметил облигации и протянул было к ним руку, но Калинин его остановил: «Здесь ничего нет», — и поставил вазу на место. Сотрудники тогдашнего колпашевского НКВД не отличались чистоплотностью и порой не гнушались во время обысков набивать себе карманы. А те облигации позже оченьгодились семье. Ее бедствия только начинались.

Когда Галина Михайловна вспоминала былое, у нее в глазах стояли слезы. И мне вдруг стало не по себе.

Хочу быть понятным — правильно и точно. Представьте себе, что вы идете в чужой дом, чтобы узнать какие-то факты, фамилии, даты. Короче говоря, вас интересуют сведения, информация. И вдруг сталкиваетесь с живой болью. И за пятьдесят лет рана не зарубцевалась. А боль какая-то особенная. Словно бы замкнутая сама в себе, словно бы сама от себя уставшая. Словно бы боль эта уже и не надеется ни исцелиться, ни ослабнуть. Потому что не может этого сделать, не умеет. И даже быть в полной мере понятой и прочувствованной другим человеком тоже не рассчитывает.

Мы стали какой-то другой породой людей. Стали слишком склонны к умозрительности и слишком смертны. Уж слишком быстро в нас вымирает человеческое. Всего половина жизни позади — а сама способность человеческой души страдать вот так, в течение пятидесяти лет, приводит в смятение...

В доме Никифоровых память о Михаиле Георгиевиче чтут свято. И днем поминовения служит тот день, когда его навсегда увели.

...а ведь я нечаянно искажил слова Галины Михайловны. Не сразу это заметил. Она сказала: «Калинина считали человеком порядочным». Может быть, и случайное, но отличие есть.

Смирнов Михаил Георгиевич родился в селе Павлово под Ямбургом. Окончил Петербургскую учительскую семинарию, затем — Четвертую Петергофскую школу прапорщиков. С 1915 г. в рядах русской армии, в боях участвовал с 1916 г., но успел отличиться. Был награжден орденами третьей степени Св. Станислава и Св. Анны с мечом и бантом. Революцию 17-го года принял с надеждой. Выходец из крестьянской семьи, он, как и многие, поверил в декрет о земле и с ним связывал будущее России. Вот примечательный эпизод из

жизни Смирнова: явившись в дворянское собрание, призывал офицеров перейти на сторону Советов. В него стреляли, но промахнулись.

В гражданскую войну Михаил Георгиевич воевал на стороне Красной Армии. Участвовал в переходе через Сиваш. Одно время служил в армии Тухачевского, знал его самого. Командармом Тухачевским был подписан его воинский билет. Не исключено, что имя Тухачевского и стало непосредственной причиной гибели Михаила Георгиевича.

После гражданской войны он оказался в Томске, где встретился со своей будущей женой Зинаидой Васильевной. В Колпашеве Михаил Георгиевич занимался тем, от чего был надолго оторван военным временем: учительствовал. Он был первым директором школы № 1 в Колпашеве, преподавал математику.

В августе 1937 г. на короткий срок он уехал по служебным делам в Томск. И у Михаила Георгиевича был шанс спастись. Его друг, Кипреян Петрович Баллот, успел сообщить, что им интересовались люди из НКВД и посоветовал не возвращаться. Но он вернулся. В Колпашеве оставалась его семья. Да и не знал он за собой вины.

Его арестовали через несколько дней.

...через два года после той памятной поездки в Колпашево летом 1987 г. мне встретилась публикация В. Костина в «Социалистической индустрии» от 22.03.89 года, выразительно свидетельствующая, что предшествовало арестам. В публикации той рассказывалось о покаянных откровениях некоего Ильясова, работавшего когда-то председателем райисполкома.

«Круг забот известный. Но вдруг ежедневно за час до окончания рабочего дня меня и первого секретаря райкома партии стал вызывать к себе начальник НКВД района... Когда мы первый раз собрались втроем, начальник взял шифровку и зачитал:

— Сегодня надлежит заготовить двадцать быков.

Мы недоуменно молчали: ну и что? Обращайся, мол, к заготовителям... Но начальник буквально вложил каждому из нас в руки по толстой книге со списками жителей района. И еще похвалился:

— Мы имеем списки жителей всего района с необходимыми сведениями о каждом. <...> Я без вас уже подобрал десять человек из колхозов и МТС, а вы теперь добавляйте по пятерке своих, — последовала команда.

— Каких это „своих“? — удивился первый секретарь райкома.

— Пять из райкома и пять из райисполкома, — и захихикал тихоненько.

И мы поняли, о каких „быках“ идет речь в шифровке. <...>

На следующий день опять звонок и опять нужно „заготовить 20 быков“ И на третий, четвертый... десятый день... <...> Более 200 человек из района забрали, а шифровки все шли... <...>

В один из таких вечеров сижу, вожу пальцем по страницам в книге переписи населения и чувствую: схватило за живот. А мне же еще троих записать надо, а найти с провинками никого не могу... Ну, думаю, сейчас выйду на двор, так он меня самого и впишет. В двух соседних районах председателей уже замели... Но терпеть дальше не было мочи, и я пошел, вернее, побежал во двор. А вдогонку мне весело так:

— Ага, пробрало?! То-то! Это тебе не пустые бумажки подписывать! Людей на смерть посылаешь!

Вернулся я, дописал в список недостающих троих: своего заместителя, заведующего райзо и директора школы. Писал и надеялся, что не посмеет он всех троих — видных людей района забрать. А чекист прочитал, похвалил...»

Такой вот рассказ. И тут упомянут директор школы. А знаете, где это происходило? — все в той же Томской области. Более того, дважды в газетной публикации упоминается Колпашево — и автор статьи, и бывший председатель райисполкома встретились в 1954 г. именно там. Но злоупотреблять догадками не будем. О чем можно говорить определенно, так это о том, что из Новосибирска в Колпашево — край-то один — летели тогда точно такие же шифровки...
(Прим. 1989 г.)

В то время самой Галине Михайловне было четырнадцать лет. Каждое утро она прибегала на улицу Дзержинского к зданию НКВД и ждала, когда откроются ворота. Это случалось крайне редко. Иногда арестованных маленькими партиями угоняли по этапу. Их вели к баржам, чтобы по реке отправить в Томск. Но ожидание было напрасным. Чуда не произошло. Отца не отпустили. И среди уходивших к пристани его не оказалось.

Позже матери удалось через знакомую в Томске узнать, что в списках, где регистрировались все доставленные в Томск арестанты, Смирнов Михаил Георгиевич не значился (впрочем, как и Пинчук и Ермолович, которых забрали в НКВД тогда же).

Из «дома просвещенцев» семья была выселена. Приютили чалдоны, они любили Михаила Георгиевича... Старшей дочери Смирнова, Нине, учившейся в институте, предложили на комсомольском собрании отречься от отца как от врага народа. Она отказалась: «Сегодня отрекись от отца, завтра — от Родины...»

Эх, знать бы, как сложились судьбы тех комсомольских вожаков, которые тогда занимались идеологическим мордобоем? Воевали или в силу особой своей идейной зрелости стояли с автоматами сзади, в заслоне? И главное — какими людьми выросли их дети и внуки?

За своих детей Смирнову стыдно бы не было.

Об отце Галина Михайловна ничего не слышала до 1951 г., когда ее неожиданно вызвали в МГБ. Первым чувством был страх. В четырнадцать лет дочь потеряла отца, и еще ровно четырнадцать лет, регулярно подвергаясь травле, она прожила на положении изгоя. Ей было чего бояться...

Но это была реабилитация. Посмертная реабилитация. В числе немногих он был оправдан еще до смерти генералиссимуса. Следователь Челноков был куда внимательнее и любезнее тех людей, у которых Галина Михайловна когда-то пыталась узнать о судьбе отца. Дело Смирнова было на редкость скудно и состояло едва ли не из единственного протокола допроса, написанного совершенно безграмотной рукой. Директору школы ставилась в вину контрреволюционная деятельность в Сибири, организация мифической подпольной армии, укрывательство складов с оружием и прочая подобная же чушь.

Но под всем этим бредом стояла подпись Михаила Георгиевича. Он расписался не так, как обычно расписывался под документами, полностью выписывая свою фамилию, а ограничился закорючкой — как в ученических дневниках. Почему? Кто знает. Из объяснимого разве что безысходностью ситуации безразличия к собственной участи? Или сама подпись была

обыкновенной подделкой?

А следователь, которого Галина Михайловна спросила, как мог отец подписать подобную ахинею, позволил себе откровенность:

— Скорее всего у него не было выбора. Ему могли угрожать, что в противном случае они заберут всю семью.

Тогда же Галине Михайловне сообщили, что Смирнов Михаил Георгиевич скончался от эмфиземы легких в 1945 г. Но ведь известно, что на самом деле означал приговор «десять лет без права переписки». Расстрел. Фальсификация дат смерти для «умиротворения» родственников практиковалась в те годы широко. Повторяю, никаких следов в томской пересыльной тюрьме обнаружено не было. Не было Смирнова и среди угоняемых к пристани, а до завершения навигации оставалось мало времени. Да и не в духе той эпохи было затягивать судебные фарсы, на них тратили не месяцы, а минуты.

Взглянуть на фотографию Михаила Георгиевича не удалось. У семьи ничего не осталось: ни фотографий, ни писем. Все было изъято во время ареста сотрудниками НКВД. Не нашлось фотографий и в школе, где он когда-то работал.

Зато в опубликованном фрагменте письма Глиэра, которое тот написал из Колпашева 30 марта 1936 г., можно прочитать: «посылаю фотографии, где снята аудитория из учащихся и учителей». Вот эти фотографии должны были сохраниться. И на них, пожалуй, можно найти и Смирнова, и кого-нибудь из его коллег, погибших в те годы. Тех, кто мог лежать в братской могиле на берегу Оби.

В изданном двухтомнике воспоминаний и статей Глиэра одна из колпашевских фотографий опубликована — но без аудитории, к сожалению. Сделана она, вероятно, в клубе «Динамо» — том самом, что стоял в сотне метров от места расстрелов.

Был знаком со Смирновым Большаков, вспомнил о нем с грустью.

Место могилы Михаила Георгиевича неизвестно. Уверен, что она была там, на яру... Когда крушили берег, Галина Михайловна стояла рядом. Молодой человек в штатском, из приезжих, попытался ее прогнать. Сквозь слезы она ответила: «Здесь лежит мой отец». Тот молча отошел. Теперь и этого следа на земле нет. Что ж, пусть хотя бы этот рассказ заменит ему надгробный камень.

3

А вот это надгробие в целостности и сохранности. На колпашевском кладбище можно найти расширяющийся кверху, наискось срезанный камень с надписью: «Волков Александр Данилович. 11.X.1911 — 25.XI.1979. Любимому и дорогому мужу и отцу». На белом мраморе не звезда, как на многих других надгробиях, а черный крест. Впрочем, я не вполне прав, что надгробие в целостности и сохранности — не то сорвана, не то отлетела фотокарточка.

Этого-то человека, бывшего сотрудника НКВД, едва ли не в один голос и называли исполнителем смертных приговоров... В городе живут жена, сын и дочь Волкова, и это гнетет. Слышал о них только хорошее. От пересудов за спиной, надо думать, они натерпелись достаточно.

Что касается причастности Волкова к расстрелам, чаще колпашевцы в своих рассказах начинали словами «говорят...». Но были и свидетельства вполне определенные, исключаящие друг друга.

Одно из них — Александра Павловича Глазырина. Он — из загубленного войной поколения 1923 г., был на фронте, а вернувшись, по комсомольской путевке пошел в 1949 г. «на Дзержинку». Многие из прежних сотрудников продолжали работать. Кроме того, позже Глазырину самому приходилось участвовать в пересмотре *тех* дел. В информированности его можно не сомневаться.

Пожалуй, разговору нашему не доставало откровенности. Александр Павлович сглаживал кое-какие углы, я каких-то вопросов не решался задавать. За рамки официальной версии о дезертирах мы не выходили. Но в отношении Волкова он был категоричен:

— Его оговорили напрасно.

По словам Глазырина, тот работал в НКВД приблизительно с 1944 г. надзирателем внутренней тюрьмы, но ее скоро ликвидировали, и в дальнейшем Волков был лишь телефонистом на коммутаторе. Почему Волков не попал на фронт? Александр Павлович только развел руками. Но в главном Глазырин был тверд: Волков к расстрелам никакого отношения не имел. Как-то неявно предполагалось, что истинного исполнителя приговоров Глазырин знает. Да только мог ли быть такой отдельный палач? Здравый смысл подсказывает, что в системе НКВД должна была действовать система круговой поруки. В убийстве людей повинны слишком многие. Может быть — все без исключения...

А вот по словам Леонида Сергеевича Коновалова, также фронтовика, также коммуниста с изрядным стажем. Волков сам признавал свое участие в расстрелах, даже рассказал об одном эпизоде. Ему было приказано расстрелять молодого парня. Делалось это так: человека вели к яме и неожиданно производили выстрел в затылок. В тот раз то ли нервы у Волкова не выдержали, то ли руку свело. Он промахнулся. Пуля лишь зацепила ухо. Парень повернулся и дико закричал: «Мама!» Тогда Волков выстрелил еще раз.

Может быть, эта история относится к еще более ранним временам? Имя Волкова однажды упоминали и в связи с делом Толстыгина.¹ Якобы тогда ему чудом удалось избежать суда. А может быть, это попросту самооговор?

И этого нельзя исключить. В конце жизни Волков стал религиозен, регулярно посещал тогурскую церковь (своей в Колпашеве нет). И когда вскрылось захоронение, колпашевцы стали поговаривать, что Волков, мол, старые грехи замаливает...

В общем-то можно допустить, что человек в подобной ситуации не только не отрицает обвинений, но даже готов сообщить «подробности». Действует по принципу: клин клином вышибают. Если к тому же душа ищет покаяния, если человек тяготится сознанием неправо прожитой жизни... Кто может взять на себя смелость утверждать, что не могло быть ничего подобного?

¹ В начале 30-х годов комсомольский вожак Матвей Толстыгин, чиня самосуд, расстрелял на старом цыганском кладбище (в районе магазина № 24) немало невинных людей. Во время одного из ночных расстрелов кому-то удалось бежать, о деяниях Толстыгина узнали в Новосибирске. По делу Толстыгина были осуждены 15 человек. Четверо, в том числе сам Толстыгин, были приговорены к расстрелу. В тюрьме Толстыгин покончил с собой, вскрыв себе вены.

Те, кто его не знал вообще или знал мало, чаще говорили о нем с неприязнью, в причастности Волкова к убийствам не сомневались. Зато те, кто знал его хорошо, говорили, как мне показалось, с некоторой осторожностью. Нет, сам факт того, что Волков мог выполнять обязанности палача не отрицали, а словно бы не хотели, чтобы о Волкове была сказана... неправда, что ли?

На мрачного злодея он никак не походил. Малограмотный, но живой, любил побалагурить, подшутить над кем-нибудь. Смешно изображал, как расхаживает по своему кабинету начальник НКВД. Внешность достаточно заурядная: невысокого роста, круглолицый, с острым носом, светловолосый. Но был силен, ловок и подвижен. В молодые годы даже входил в число лучших лыжников Сибири на длинных дистанциях. Его и сейчас часто вспоминают как Сашку Бегунца. Лишь по собственной оплошности, перепутав на финише разметку маршрута, не смог завоевать «серебро» на крупных соревнованиях в Москве.

Страстно любил охоту. Сам чалдон, он и других коренных сибиряков удивлял своим умением. Мог, к примеру, сесть на пенек, положив один конец длинной палки себе на грудь, а другой — на землю, и особым свистом подманивал бурундуков (отличающихся, кстати, большой осторожностью). Когда же бурундук по палке подходил к самому лицу, ловил его петлей, сделанной из конского волоса.

Что я еще знаю о Волкове? Беспартийный, но в комсомоле в свое время состоял. Очень любил порядок, дисциплину, и когда ее кто-то нарушал, воспринимал это едва ли не с обидой. Сам был исключительно исполнительен.

И еще у него был отличный голос. По иным рассказам он даже пел в церковном хоре, но это не так. К клиру тогурской церкви он отношения не имел. Но легко себе представить, что во время службы частенько подпевал хору. «Кого любит Бог, тот любит музыку?»

Случалось, что верующие старушки, называя Волкова душегубом, гнали из церкви. Изгоняли и из рейсового автобуса, который ходит между Колпашевым и Тогуром. Но последним из последних, как я понял, он себя не считал. Не только приходил в церковь сам, но и поучал других, убеждая некоторых из своих знакомых обратиться к вере, читать Библию. О себе же говорил: «Только теперь я знаю жизнь истинную и знаю, что буду жить вечно!».

Хорошо знала Волкова Галина Михайловна Никифорова. Тот был к ней как-то по-особенному расположен. После того, как у нее лет пятнадцать назад начались нелады с сердцем, Волков стал к ней еще внимательней, частенько предлагал мед (на другом берегу Оби у него была пасека).

— И все-таки какой же он был неприятный человек, — вдруг сказала Галина Михайловна.

— А когда вы стали испытывать к нему неприязнь? После того, как река размыла могилу?

Ненадолго задумавшись, она честно признала:

— Да, после.

Последняя подробность: когда-то Волков был учеником Михаила Георгиевича Смирнова. Так что на чердаке в доме Волкова мог завалиться старенький ученический дневник с такими же точно закорючками вместо подписи, какую Михаил Георгиевич поставил под протоколом. По сути дела, под собственным приговором. Разум может помутиться при допущении, что в узком

подземном коридоре, ведущем в могилу, судьба чрезвычайно исполнительного сотрудника НКВД, комсомольца Волкова, могла сойтись с судьбой его бывшего учителя. Это было бы уже слишком...

«Среднего роста, плечистый и крепкий, ходит он в белой футболке и кепке, знак ГТО на груди у него...»

Черт с ним. В любом случае, Волков — человек маленький. Исполнитель приказов. Каких именно — пока доподлинно не известно. Может быть, и убивал. Но говорить только о нем, не вспоминая о тех, кто эти приказы отдавал, по меньшей мере несправедливо. И все-таки рассказать о бывшем надзирателе внутренней тюрьмы НКВД стоило. Уж не знаю, как передать то смятение, которое я испытал сам, когда понял, что уводил людей в колпашевскую яму какой-то самый обыкновенный парень с комсомольским значком на гимнастерке, с политической полуграмотой в голове, со своими семейными заботами... Это и страшно: даже среди тех, кто убивал невинных, незаменимых людей не было.

А не было ли людей, прямо заинтересованных в том, чтобы Волков ходил в палачах? И кто слухи эти специально поддерживал? Не исключено. Он фигура для оговора очень удобная. В скором времени после размыва берега Волков умер, выгораживать себя не будет.

Рассказать правду о могиле на яру, о том, кто был там расстрелян и кто расстреливал, могли бы разве что те люди, которые когда-то работали в двухэтажном здании на улице Дзержинского. Если бы захотели, конечно. Да и многих уже попросту нет в живых. Но некоторые фамилии, которые я слышал в Колпашеве, на всякий случай назову, хотя возможны и ошибки. Часто люди попросту путали милицию, НКВД, НКГБ и не делали различия между годом 37-м и 57-м, а фамилии следующие: Антон Антонович Мартон, Калинин, Карташев, Подоплеев, Карпов, Давыдов, Павел Ежовкин, Шемнев, Кульменев, Федор Шендель, Иван Алексеевич Кондратенко, Захар Павлович Шкодский, Воронин, Константин Миронович Ожерельев, Тилисин, Александр Иннокентьевич Терентьев, Александр Павлович Глазырин, Юрий Алексеевич Левицкий, Григорий Антонович Ракитин, еще не то Краснопольский, не то Красносельский.

У вдовы окружного прокурора Литосова должны были сохраниться собранные ее мужем газетные вырезки о тогдашних процессах. Жив-здоров Анатолий Родиков, который работал в милиции, но ему приходилось переправлять арестантов в НКВД. Он может знать что-то о тех, кто попадал туда.

Теперь то немногое, что я знаю об этих людях.

Мартон, венгр по национальности, был начальником НКВД приблизительно в 1937 г. Сам был арестован и отсидел в лагере два или три года. Карпов и Подоплеев работали в НКГБ в 1945 г. Ожерельев, заведовавший клубом «Динамо», много лет назад покончил с собой. Был в свое время репрессирован Шкодский. По одним рассказам, он сам прежде принимал участие в арестах. По другим — был всего лишь завхозом или комендантом, попал под суд за растрату. Кондратенко после войны работал зампреда горисполкома (вот уж о ком отзывались скверно!). Жив Ежовкин, работавший участковым НКВД, якобы сидел за издевательство. Живы Терентьев, Ракитин, Левицкий. О Левицком, кстати, очень хорошо отзывалась Галина Михайловна Никифорова, которая его помнит со школьной скамьи. Левицкий воевал, награжден многими орденами и

медалями, а «на Дзержинку» пришел работать приблизительно тогда же, когда и Глазырин...

Да, еще в этот список следовало включить Волкова.

А ведь и я, рассказывая о нем, словно бы боялся какой-то лжи... Понял это сейчас. Если его признание — правда, оно само по себе кое-чего стоит. Другие-то молчали, молчат и будут молчать. Об одном бывшем сотруднике НКВД далеко не геройского склада сказали так: «даже не скользкий, а склизкий человек, когда берег обвалился — шесть запоров на дверь поставил».

Если Волков сказал правду... то-то и оно, что сказал ее.

По большому счету на это еще не решилась вся страна.

4

Ладно, если уж выворачивать душу, то начинать надо с себя... Есть во всей этой темной истории одно совсем уж темное обстоятельство, о котором упомянуть сразу язык не повернулся. Показалось — проще промолчать. В Колпашеве упорно поговаривают, что в могиле на яру встречались и останки детей...

Дико? Вот и я испытал что-то вроде шока, когда впервые услышал об этом. Уж какие там политические репрессии! Прикрываемая законом самая грязная уголовщина. Так суть дела, пожалуй, ясней¹.

Неужели такое может быть правдой? Этот вопрос задала в горькоме партии Антонина Ивановна Панова, заслуженная колпашевская учительница. Важный для нее вопрос. Всю жизнь учила детишек истории, награждена орденом Ленина. Да только той ли истории, настоящей? Ей ответили приблизительно так: «А вы сами видели? Нет? Не было там детей. Расстрелянные — дезертиры. Ну, были среди дезертиров и остяки...» Остяки — это коренное нерусское население здешних мест, правильнее бы их называть селькупами. Остяки малорослы, именно поэтому горькомовские товарищи постоянно упоминали о них и в других случаях. Так что самый факт того, что в колпашевской могиле встречались останки, которые можно было принять за детские, высосанным из пальца никак не назовешь.

Ну, а дальше, дальше-то как быть? Сказать по совести, страусовая философия так разъела душу, что я сам рад любой зацепочке, лишь бы усомниться в этой мерзости. Да, я без особого труда нашел двух колпашевцев, которые видели могилу своими глазами и говорили о детских останках. Разыскать этих людей нетрудно, адреса сохранились. Один из них, когда коснулись версии об остяках, только горько усмехнулся: «Никогда не видел остяков с грудной клеткой, словно у десятилетнего ребенка». Даже если так, готов допустить, что ребенок попал в тюрьму вместе с родителями случайно и не был застрелен, а умер от крупозного воспаления легких, чахотки, менингита (почему-то от этой мысли

¹ О принятом весной 1935 г. законе, по которому к высшей мере наказания могли быть приговорены дети с двенадцати лет, мне стало известно из печати уже после написания очерка. Следом же прочитан Шаламов, в 89-ом грянул «Архипелаг ГУЛАГ»... Как же это меня тогда сподобило о Колпашеве писать, вечные эти письма в руках даже не подержав?... — и теперь тогдашние свои переживания наивными кажутся. — Прим. 1992 г.

вроде бы легче).

И в рассказе Волкова присутствовала существенная подробность: тому парнишке, которого он убил, было лет пятнадцать-шестнадцать. Потому, собственно, и дрогнула у служивого рука. Что ж, согласен поверить в самооговор.

Наконец, несколько раз слышал в Колпашеве о бабе в шубе или тулупе, которую принесло течением в заводь у пристани. Якобы на руках у нее был грудной младенец. Готов допустить, что произошла чудовищная ошибка, не было никакого младенца, а был узел с вещами, который толком не разглядели стоявшие на берегу.

Более того, спешу сослаться на Галину Михайловну Никифорову, которая не знает ни об одном случае, чтобы в Колпашеве вместе с родителями забирали детей. Могут сослаться также на Алексея Николаевича Мальцева, у него было достаточно возможностей разглядеть захоронение. Он детских останков не видел.

Так что у меня нет твердого мнения о том, что же могло на самом деле твориться в колпашевском НКВД.

Есть фактическая сторона дела — ее можно установить в результате непредвзятого и объективного разбирательства. Но есть еще и другая, без которой никак не обойтись и у которой свои законы объективной неизбежности. Повторюсь: природа не терпит пустот, а общество — незнания. Если нет достоверных сведений, их заменят слухи, и уже они станут той объективной реальностью, которая будет передана потомству. Было бы наивностью думать, чтобы такое событие, как варварское уничтожение захоронения на месте колпашевского НКВД, начисто выпало из памяти людей. Нет, оно утратит остатки достоверности, исказится до неузнаваемости, но не исчезнет, уйдет куда-то в подсознание, станет какой-то малой, но существенной ее частью. Какой? Можно только гадать.

Думаю, что это будет и отчуждение от государства — раз государство не намерено быть с ним, гражданином, правдивым и откровенным. И уничтожение личности — раз так мало может стоять человеческая жизнь на ничтожном, в сущности, временном отрезке в пятьдесят лет. И, наконец, страх — раз миром правят силы, которые по своей прихоти могут изгонять из жизни неудобных...

Что дальше? Дальше останется лишь ждать — когда гражданин переродится в обывателя.

Может быть, в этом и состоит суть национальной катастрофы, которая уже произошла? Дошедший до абсурда конформизм давно стал принципом существования целого народа. Политика перемен, пришедшая вместе с Горбачевым, дала надежду на будущее, разум общества просветляется, возвращается к жизни истребленное понятие совести. Но если столько лет душой катились вниз, то сколько теперь придется карабкаться вверх? А если не избавиться от того идеологического чертополоха, который совершенно заглушил общественную жизнь, не удивлюсь, если еще через пятьдесят лет какой-нибудь старец — из тех, кто сейчас пребывает в юности и знает о колпашевской могиле лишь понаслышке, будет рассказывать небылицы: «А, знаю, знаю. Как же! Комиссары треклятые в овраг сто тыщ народу загнали — кого попадя, и баб с младенцами заодно — и всех из пулеметов порешили...» Или что-нибудь в том же духе.

В обских местах и сейчас подобных историй вам расскажут с избытком — и попробуй доберись до правды. Расскажут и про священнослужителей,

уничтоженных в Кетском монастыре, развалины которого еще сохранились на дороге Маракса – Мохово. И про семью крестьян-выселенцев, расстрелянных у села Назино в Александровском районе на севере Томской области. И совсем уж страшные вещи про Назино расскажут. Как на остров поблизости (он так и называется – Назинский) высадили до трех тысяч спецпереселенцев без каких бы то ни было средств к существованию. А в обоих протоках Оби оставили плоты с пулеметами, чтобы никто не мог уйти вплавь (ночи, напомним, в тех краях белые, так что трудно было спастись и в ночное время). Так все эти несчастные, среди которых началось людоедство, и были истреблены – голодом... Кто возьмет на себя смелость утверждать, что эсэсовский газ «Циклон Б» был пределом изуверства? Чем лучше та нравственная отравка, которой нас заставили дышать берии, молотовы, ворошиловы, ждановы и прочие нелюди?

Право, загадка: как же были устроены головы ответственных товарищей недавней нашей безголовой эпохи? То, что интеллектом они, как правило, не были обременены, в данном случае не существенно. И что в жизни им важна была исключительно внешняя, фасадная сторона дела, тоже не слишком большое открытие. Если какой-нибудь работяга, тараща счастливые глаза при виде телекамеры, радостно повторял: «Одобрям! Поддерживаем! Сделаем!» – то высокому гостю, ради услаждения ритуальной похоти которого был затеян спектакль, этого было вполне достаточно. И было совершенно наплевать, что про себя работяга думает: «Накось, выкуси! У тебя для нас фи́га в кармане – так ведь в своем кармане я хозяин».

Но ведь звонкие цацки на груди и мраморные изваяния они любили. Еще как любили! И хоронили друг друга в людных местах. Неужели было безразлично, какими словами, уже вслух, помянет их проходящий мимо потомок? Казалось бы, сами были свидетелями того, что иное из мраморных надгробий просит плевок. Более того, своими собственными руками вынесли из мавзолея мощи главного изувера (в том смысле своими собственными руками, что голосовали «за»). А про себя забыли. Не подумали, что плевательница может оказаться на их могилах нужнее, чем величественный бюст.

Все-таки поразительно, насколько сильной оказалась холуйская преданность своему хозяину, которого они сами же скрепя сердце припрятали поглубже в землю. За сделанную в тени его душегубства карьеру? Потому что у самих были руки в крови?

В разговоре с бывшим председателем колпашевского РИК я случайно узнал вот что.

Как я понял, у Большакова нередко бывали местные журналисты, краеведы, и подобные встречи отвечали определенному регламенту – по характеру вопросов. Я же задавал вопросы, для Александра Матвеевича непривычные. Был он, помнится, одет в полувоенный френч, что тоже говорит о давно устоявшихся взглядах на жизнь.

– И это тоже кто-то из административных ссыльных, – сказал он, услышав от меня очередную фамилию. На лице его появилось не то недоумение, не то досада.

Да, конечно, все эти люди, выпавшие из жизни и, подобно чумным больным, вызывавшие тогда в окружающих страх, были малоинтересны ему... Разговор зашел в тупик. Тогда – для разрядки как бы – я попросил:

— Александр Матвеевич, расскажите, пожалуйста, о подавлении кулацкого мятежа на реке Чая.

Об этом событии я успел прочитать в какой-то популярной исторической брошюре, встречал упоминания и на стендах краеведческого музея. Реакция Большакова меня удивила. Ему очевидным образом было неловко — за тех, кто писал брошюры и оформлял стенды.

Оказалось, что реальные события лишь с очень большой натяжкой можно было именовать мятежом. Среди спецпереселенцев пошел слух, что большевистское правительство в Москве развалилось. И они решили установить свою собственную власть. Акты насилия с их стороны ограничились тем, что были взяты под стражу несколько милиционеров-комендантов. Вот и все. Ни о каких смертоубийствах, грабежах и прочих бесчинствах и речи не было. При желании можно было уладить дело миром — но за это орденов не дают.

Для наведения порядка был направлен вооруженный отряд под командованием Ивана Ивановича Долгих. Надо отдать ему должное — это был человек не робкого десятка. Переодевшись, в одиночку отправился в деревню (или по опыту знал — серьезного отпора не будет?). Нашел школу, где сидели под замком представители власти, о чем ему простоудушно сообщил охранявший их старик с берданкой. Старика этого Долгих застрелил из спрятанного под полкой маузера. Потом — еще одного, выскочившего на выстрел с березовым дрынном. На том подавление «мятежа» и закончилось. Позже состоялся суд. Многие крестьяне были осуждены, а зачинщики — расстреляны.

Большаков вдруг оживился.

— А ведь наш Долгих — это отец того самого Долгих, кандидата в члены Политбюро. Он был одним из руководителей Сиблага.

Мать честная! Весьма любопытное обстоятельство — если Большаков ничего не перепутал, фамилия Долгих в Сибири встречается часто. Тогда тут не только холуйская преданность, но даже родственная преемственность. Да, нелепо ждать в данном конкретном случае покаянных откровений, ордена Долгих-старшего, наверное, до сих пор хранятся в семье...

Кстати, на процессах 30-х годов использовалось и обвинение в организации кулацких восстаний в Сибири. И на реке Чая тоже?

Колпашевская история — лишь маленький эпизод в недавней общей политике сокрытия преступлений сталинского режима. Даже сама попытка говорить об этом была наказуема. Но по странному стечению обстоятельств одна из статей уголовного кодекса, которую для этого использовали, — 190¹ (предусматривающая ответственность за распространение заведомо ложных слухов, порочащих советский государственный строй), соседствует со статьей 189, которая предусматривает наказание до пяти лет за укрывательство преступлений. Военные преступления, геноцид не могут иметь срока давности, и уже поэтому прежнее руководство нашей страны в народной памяти должно остаться преступными пособниками сталинизма.

Даже по меркам безголовой эпохи уничтожение захоронения в Колпашеве — редкостный пример нравственного мародерства. Власти затеяли втихую упрятать концы в воду — хотя уже этого не следовало делать — а в итоге устроили то, что тот же Коновалов с горечью назвал «комедией на реке».

И, вдобавок, дикие эти слухи — детей убивали.

Безграничная и бесконтрольная власть всегда порождает и будет порождать злоупотребления. Не мы первые, не мы последние. Так что ж? Проблема эта должна решаться просто. Личной ответственностью. Совершенно преступление — ищите преступника, у которого есть имя и фамилия. Не было преступления — заявите во всеуслышание. Почему бы не проявить минимум уважения к общественности? Почему бы не привлечь к разбирательству хотя бы патологоанатомов колпашевской больницы в качестве ее представителей? Так нет же, наоборот, запретили вскрывать случайно попавшие в морг трупы. Откровенное издевательство и над здравым смыслом, и над совестью.

Но будем честны с собой. Тогда в Колпашеве происходило то, что не могло не происходить. Так что вряд ли имеет смысл называть фамилии тогдашнего городского начальства. Уточнять, кто пошел на повышение в Томск, а кто застрелян в колпашевской болотной низинке. На месте этих фамилий легко представить любые другие. Наоборот, невозможно представить иное, более разумное развитие событий. А если нечто подобное повторится? Не в Колпашеве, так в другом конце страны? Ведь таких ям тысячи. А кто-то и сам может проявить инициативу. Теперь ведь понятно, где искать. Поинтересоваться у стариков, где была тюрьма НКВД — вот и все...

Да и что я заладил: городские власти, городские власти... Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что решения принимались не на уровне горкома партии. Все лето на спасательной станции прожили двое чужаков. Были они одеты в спортивные костюмы, но о ведомственной принадлежности гадать особенно не приходится. В их обязанности входила ликвидация трупов, если таковые будут обнаружены на реке. Поразительно, но за все это время они ни разу не обратились друг к другу по имени. Школа, что и говорить, хорошая. На прямой вопрос — как звать-то? — один из этих малых мрачно пошутил:

— Меньше будешь знать — дольше проживешь.

Спасатели — интерес сугубо профессиональный — диву дались, с какой легкостью заезжие «спортсмены» раздобыли два лодочных мотора «Вихрь», крайне дефицитных в здешних краях. И еще больше — той королевской щедрости, с которой моторы были оставлены «на добрую память». А вот портативные рации были увезены с собой...

Вопрос к нынешнему члену политбюро, любимцу народа Егору Кузьмичу Лигачеву: какие распоряжения он отдавал своим подчиненным в майские праздники 1979 г.? Был он тогда, помнится, первым секретарем томского обкома партии. Не история ли с колпашевским захоронением привела его к высказанному однажды убеждению, что проблема сталинизма подброшена нам с Запада?

Продолжение обязательно последует. Так что пусть заранее ответственные товарищи — особенно из КГБ — подумают, стоит ли мараться в крови, пролитой другими. Почему до сих пор не открыты архивы? Более того, появились сведения о фактах сознательного уничтожения архивных дел по репрессиям против крестьянства. Не пора ли всерьез подумать о применимости ст. 189 УК?

А уж что касается детской крови, то более маркой, чем она, нет ничего на свете. И в соответствии с атеистическими воззрениями она, даже не будучи

пролитой, остается на руках и через две тысячи лет. Не верите? Судите сами. Казалось бы: если не было царю Ироду причины устраивать вифлеемское избиение младенцев, то и самого избиения не было. Так? А вот ведь остался в истории — иродом. Именем нарицательным.

Так что пора бы разгрести эти авгиевы конюшни советских спецслужб. Человек не может чувствовать себя хозяином в доме, где есть темные углы с привидениями.

5

Пора бы и поставить точку. Практически все», что мне известно об этой колпашевской истории, уже рассказано. Почти все»... ну, а о людях — тех, кто помог делом или хотя бы советом, и тех, кто, кривясь, отмахивался, находя глупым ворошить прошлое, — как промолчать? Стоит ли повторять, что день сегодняшний приходит из дня вчерашнего? Подчас непросто в том, что сегодня вошло в силу, пошло в рост, угадать брошенное накануне семя. И запах не тот, и цвет другой, и форма иная. Но родство есть родство и от него никуда не уйти. И сознательная сегодняшняя слепота, и, наоборот, небезразличие все несет на себе отпечаток былых времен, потому что в те времена весь уклад нашей жизни и был зачат.

Вот не сложился разговор с Александром Александровичем Мартемьяновым, главным диспетчером речпорта. А узнать у него было что: какие суда размывали берег? как найти людей из судовых команд? Едва заметив блокнот, вежливо, но твердо сказал:

— Извините, но разговора у нас с вами не получится. Мы не имеем права сообщать сведения о дислокации флота.

Жаль. Речники видели больше других. Размывать могилу, как я слышал, их фактически заставили. Добровольцев не искали. А вполне понятное отсутствие энтузиазма компенсировали избытком даровой водки. Все равно, думаю, они тот кошмар запомнили надолго...

Так что поначалу я на главдиспетчера обиделся. Попытался задеть за живое, напомнил старую истину: народ, не желающий знать своего прошлого, обречен на то, чтобы пережить его в будущем.

— А я, сколько мне надо, знаю, — ответил Мартемьянов.

Тут я сплеховал. Его слова пришлись в такт какому-то своему собственному движению мысли, и я истолковал их неправильно: мол, он, Мартемьянов, знает, а другим незачем на своих плечах лишний груз нести. Как-то в первое мгновение и в голову не пришло, что человек может вполне довольствоваться тем, что ему говорят на политинформациях... И потому сказал невпопад:

— Вот и другие должны знать.

Он промолчал. На том мы и расстались.

Потом досада прошла, остыл. Вспомнил лицо Александра Александровича. Красивое, мужественное... Хорошее. А как говорят французы, после сорока человек сам отвечает за свое лицо. Ему как раз лет сорок пять... Работа сейчас сидячая, хотя и хлопотная, а когда-то, наверное, плавал сам. Среди нашего

всеобщего экономического хаоса и бессмыслицы как-то затерялась эталонная мера, кого по праву можно считать дельным и работающим, ошибиться очень уж легко, но все-таки сразу, с первых же минут разговора показалось, что в главдиспетчере побольше... внутренней дисциплины, что ли.

Когда тебя не понимает человек, которому, как ты убежден, цена ноль и которого ты, как тот самый ноль, видишь насквозь, его непонимание не больно трогает. Пройдешь мимо и не обернешься. А когда тебя не понимает человек, который тебе чем-то симпатичен, это уже задевает. Как же! И по здравому размышлению даже начинаешь подозревать, что с правотой твоей не все ладно.

К тому же знакомство с Сибирью способствует пробуждению комплекса вины. Вины более сытого перед тем, у кого ты забрал принадлежащий ему по справедливости кусок. Если в Москве заезжий швед изумляется российской невежливости, с какой ему в лицо зевают пустотой прилавки, то изумляется он прежде времени. Его б сюда, в Колпашево. И пусть он, гость дорогой, посмотрит на тот страшный, словно уже жеванный кусок говядины, которым здесь торгуют по цене пять рублей за килограмм¹. Да и говядины ли вообще?

Впрочем, что условия для сельского хозяйства в Сибири отнюдь не идеальны, известно давно, потому и ссылали сюда на уничтожение крестьян. Ну, а газ? Тот самый газ, которого пока с избытком и которым Западная Сибирь снабжает половину Европы (надо ведь добывать валюту, чтобы у западного фермера-кулака, не попавшего на наше счастье в спецпереселенцы, покупать зерно — уж извините за избитое напоминание, куда валюта идет).

Так вот, недалеко от сибирского города тянется магистральный газопровод к черту на кулички, а на отросток в несколько десятков километров труб не хватило. Но в Сибири таким вещам не удивляются, в Сибири привыкли. И топят печи дровами. Работают, в меру поругивая явную житейскую несуряцицу.

И когда все это видишь, начинаешь думать, что у тебя самого столько долготерпения не нашлось, сорвался бы, нахамил бы начальству, выпутался бы из постромок, дал бы деру куда-нибудь поближе к Крыму. Думаешь — и понимаешь, что косточка в тебе не та, что не смог бы тянуть много лет эту лямку, что успел привыкнуть в Москве к сытости, комфорту, беспроблемности, о которых, может быть, и не подозревает еще более изнеженный швед, недовольный отсутствием в московских гостиницах — проблема номер один! иностранцы с редкостным постоянством жалуются на это — туалетной бумаги...

Так и осталась тяжесть от несостоявшегося разговора с главдиспетчером. Гоняет человек вверх и вниз по Оби баржи с грузами, и от его нежелания оглядываться назад, от ясности жизнеустройства всем прямая выгода. И мне в том числе.

...малюсенькая надежда, правда, на взаимопонимание осталась. Возможно, как раз в том суть, что человек при деле, при должности, и она, мерзавка, вздохнуть не дает. А позже, к вечности, говоря высоким слогом, поближе, а от планерок и парткомов подальше, уже на пенсии, и появится желание пооткровенничать?

Задним числом начинаю понимать, что в целом пожилые люди были со мной разговорчивее.

¹ Хм! Пять рублей! Сегодня о том и вспомнить смешно! — Прим. 1992 г.

Другая встреча. Алексей Николаевич Мальцев. Я уже упоминал его имя, помните? В годы войны был первым секретарем горкома комсомола (на фронт не попал по инвалидности). Теперь — заместитель председателя опорного пункта № 1. Туда я и направился, зная, что к ликвидации захоронения косвенное отношение имели и дружинники.

Был почти уверен, что уж здесь-то получу от ворот поворот. А встретил понимание и поддержку. Лишний раз убеждаешься, что демаркационные линии проходят не по должностным, партийным, классовым или расовым признакам, а по самой человеческой сути: люди, нелюди и все остальные, кто своего выбора не сделал, кто ни холоден и ни горяч, кого Господь изверг из уст своих. Этих, последних на свете хватало всегда, а сейчас их — сверх меры.

Господь из уст своих Алексея Николаевича, хотя тот, надо думать, атеист, не изверг — если судить по тому запасу равнодушия и способности болеть за других душой, которых в нем с избытком и на восьмом десятке лет... Итак, я сидел у него в опорном пункте. Время от времени приходили люди. Кто-то с просьбой, кто-то за помощью, кто-то по вызову. Тогда я отсаживался в угол и слушал. Публика была довольно пестрой. Мамаша, желающая найти управу на сына-тунеядца. Он сам собственной персоной — здоровенный битюг с натужной покорностью во взгляде. На редкость хорошенькая девица лет восемнадцати-девятнадцати, но не по возрасту прыткая, с полгода назад вернувшаяся из Алматы, куда исхитрилась добраться автостопом, и успевшая по возвращении заразить триппером нескольких колпашевских парней.

Запомнился один леченный-перелеченный алкоголик. Сложение ребенка, лицо старика — желтоватое, выдубленное чифирем. Оказалось, посетителю всего тридцать два года. Из них восемь лет провел в лечебно-трудовых заведениях.

Разговаривая с ним, Алексей Николаевич словам любезным предпочитал слова выразительные. А этот полустарик — все-таки это был полустарик — не сводил с него влюбленных глаз. Млел от счастья. Наверное, для нарколога он как пациент безнадежен. Но и безнадежным нужна надежда. Надолго его хватит? До завтрашнего утра? Ну, так завтра можно опять потолковать с Алексеем Николаевичем по душам. Глядишь, и еще на денек отодвинется запой...

Пожалуй, нетрудно понять, почему Мальцев не сделал партийной карьеры. Хотя и был на виду, но не на самом верху. Чтобы идти вверх, необходимы крепкие локти. А прочие сантименты без надобности, не в цене. Карьеру делают те, кто может подогнать к берегу буксир и вымыть в реку старые кости. Мальцев же с горячей убежденностью сказал:

— Обязательно напиши об этом! Люди должны это знать!

Так что и мне перепало от душевных щедрот неугомонной его натуры. Не говоря уже о том, что он мне многое рассказал.

...иные колпашевские мужья, найдя Алексея Николаевича любвеобильным сверх меры, к моим пламенным дифирамбам отнеслись скептически, но давние свои впечатления не отредактируешь. (Прим. 1992 г.)

У Александра Павловича Глазырина, бывшего сотрудника «Дзержинки», приятное благообразное лицо и бесшумная походка. Хороший психолог. Профессия обязывала? До встречи с ним я был уверен, что Александр Павлович работал в упомянутой организации бухгалтером.

— Я занимался разными вопросами , — уклончиво сказал он.

Позже в его словах промелькнуло: вместе с другими он работал над пересмотром дел незаконно репрессированных. Он даже сказал «невинно осужденных», но тут же добавил со значением:

— Вернее, тех, кого по нынешним меркам виновными не смогли бы признать.

Довольно подробно рассказал, что из себя представлял «централ» НКВД, но в подробности того, что происходило за его воротами не углублялся. Мол, каждый работал в своем отделе, а интересоваться, что происходило у коллег, было не принято. Умело выдерживая где нужно паузы, доводя городские пересуды о могиле на яру до абсурда и играя при этом уже на интонациях, Александр Павлович целенаправленно убеждал, что дело выеденного яйца не стоит.

— Вон шум подняли, что там тысячи расстрелянных были! — с иронией говорил он. — Ничего подобного. Дезертиры. Маленькая яма. Такие есть на территории каждой тюрьмы. А тогда репрессии были нужны. Без репрессий мы, пожалуй, не выстояли бы. Еще слухи ходили, что в реке ребенка с простреленным затылком видели... — он снова усмехнулся. — Что там за пятьдесят лет могло остаться? Одни кости.

Я не стал говорить, что знаю про мумифицированные трупы. И не стал уточнять, случайная ли это оговорка: пятьдесят лет. Если пятьдесят лет, то причем тут дезертиры? Что-то похожее на оговорку прозвучало и тогда, когда речь зашла о Волкове.

— Волков не расстреливал. Это я точно знаю , — говорил он с заметной досадой на городские слухи.

— Почему вы так в этом уверены?

— Я об этом слышал еще в 1949 году, когда пришел на работу.

— Значит, уже тогда шли разговоры на эту тему?

— Да. И позже — когда пересматривали дела в связи с реабилитацией. А Волкова напрасно оговорили...

Спрашивается, чего ради толковать о расстрелянных дезертирах и исполнителях смертных приговоров, когда речь идет о реабилитации без вины погибших? Да, еще одна деталь. Когда он сам же упомянул о слухах, будто в Оби видели детский труп, я сказал:

— Мне тоже доводилось слышать нечто подобное. А вы исключаете возможность того, что в ежовщину могли расстреливать и детей?

Александр Павлович молча и несколько картинно развел руками.

С большой симпатией он рассказал про милиционера Лебедева. Тот лет двадцать назад застрелился, и его иной раз вспоминают в Колпашеве как человека, имевшего отношение к могиле и именно по этой причине наложившего на себя руки. Он же к соответствующему ведомству не имел никакого отношения. Так вот, Глазырин очень живо, тепло, с большой симпатией обрисовал Лебедева, такого совестливого правдолюбца, и уложился рассказ буквально в две-три фразы. Мне это почему-то хорошо запомнилось. Вот и сам Александр Павлович исключительно симпатичный человек. Поговорить бы с ним о чем-нибудь более легком — можно бездну удовольствия получить...

Чтобы уйти от «трудных» вопросов, для разрядки, спросил:

— А были у НКВД, ну, выдающиеся операции, что ли? Борьба с бандитизмом или что-нибудь в этом духе...

Глазырин растерялся.

— Мм... При мне — не было.

— А раньше?

— Нет, не слышал...

Я тоже растерялся. Как-то не думал, что этот доходящий до газетной невинности вопрос и окажется самым сложным. И неумным.

В разговоре с Глазыриным я упомянул фамилию Терентьева, бывшего следователя НКВД.

— Кто вам о нем говорил? — встревожился Александр Павлович.

Ему явно не понравилось, что я могу отправиться к тому в гости. Терентьев Александр Иннокентьевич, ул. Пойменная, дом 18.

Знаю о нем мало. Высокий, сильный. Любил выпить, а выпив — покуражиться. Бывало, спяну стрелял из нагана в потолок. Прозвище — Таракан. Как и одно из прозвищ того, все сильного. Надо же! Совпадением нет числа, в этой обской воде вся страна отразилась, порой оторопь берет... Что еще? Замкнут, зол на несправедливости судьбы. С квартирой его обошли, из органов уволили, а на работу не устроили. Иногда браконьерит, из-за чего недавно опять были сложности с милицией. Так ведь в Сибири не браконьерит разве что ленивый...

Бьюсь об заклад: с Терентьевым связано что-то важное.

Еще один колпашевец. По причинам, которые станут понятны позже, придется обойтись без имени и фамилии.

Столкнулся с ним в первый же день, когда мне показали то место, где вырван и сброшен в Обь кусок берега. Вблизи стояли трое. В руках у них были лопаты, за какой-то надобностью они нарезали дерн. Я поздоровался, назвал себя приезжим и напрямик, без мелкой дипломатии спросил, что они знают про могилу.

Отвечал один — тот, о котором и идет речь. Это был немолодой низенький человек. Он носил нелепые очки с двойными стеклами какой-то фантастической силы. Резкие складки вокруг некрасивого рта словно бы раздвинули и приоткрыли его, было видно, что в верхнем ряду не хватает нескольких передних зубов — от клыка до клыка. Да, запомнился еще прыгающий кадык на худой шее.

— Знать-то я знаю, да рассказывать не буду. КГБ живо язык укоротит, — мрачно и совершенно серьезно пояснил он.

Казалось, что этот маленький человек по-прежнему живет в том времени, когда с трибуны мавзолея принимал парады похожий на мафиози член политбюро Лаврентий Берия...

А госбезопасностью меня не надо пугать. Я ее и сам боюсь — как и всякий добропорядочный советский обыватель. Но людям вообще свойственно не замечать криминала в своих действиях, и надеюсь, скромная моя персона не заинтересует организацию на три буквы.

Короче, разговора не получилось. Маленький человек в очках со сверхдиоптриями вспомнил, правда, Александра Волкова — зло, с отвращением. Сказал, что фотографию с надгробия срывают люди.

— В Колпашеве мало кто остался из тех, бывших. Когда их в пятидесятых разогнали — как крысы побежали. Словно пятки салом намазали...

На том мы и расстались.

За неделю я вполне в городе освоился, появились знакомые. Заговаривать на улице со случайными прохожими уже не было нужды. Поначалу, впрочем, идти без приглашения к незнакомым людям было неприятно. Приходилось себя пересиливать, но и это оказалось временной сложностью. Колпашево — не Москва. Люди не так устали друг от друга, куда радушнее.

И вот иду по очередному адресу. Небольшой частный домик, в каких живет еще половина Колпашева. Загодя, с июня собираемая поленница дров. Выходит хозяин. Вот так встреча! Тот самый маленький человек с берега. Узнал меня и он. Помедлив, без особого энтузиазма, тоскливо как-то кивнул на дверь:

— Заходите...

Сибирь и в таких случаях марку гостеприимства держит.

На этот раз я разглядел его гораздо лучше. Как видно, в городе плохо не только со стоматологами, но и с окулистами. Очки были подобраны отвратительно. Приноравливаясь к ним, он запрокидывал голову и именно поэтому казался еще меньше ростом и постоянно на виду оказывался беззащитный, дергающийся кадычок.

Худо-бедно мы разговорились. Увы, практически ничего нового я не узнал. Так и не смог он себя перебороть, только доходили до фактов и... стоп, дальше все, баста. Вот только стоит упомянуть об одной небезынтересной подробности. Оказывается, года за два, за три до вскрытия могилы на этом месте начали делать что-то вроде спуска к воде — то ли затем, чтобы устроить тут гравийный склад, то ли здесь было удобнее вытащить на берег доставленные баржой секции телевизионной вышки-ретранслятора. Но очень скоро работы неожиданно были прекращены, а бульдозер перегнали на другой объект. Зато в течение некоторого времени на яру работали буровые станки из здешнего геофизического треста (с помощью таких бурстанков в сеймопартиях закладывают взрывные заряды). Не исключено, что искали могилу. Тогда почему это занятие бросили? — непонятно. Может быть, началась какая-нибудь номенклатурная чехарда, и начальству стало не до того? Ведь летом 1978 г. первым секретарем колпашевского горкома партии стал новый человек.

Все остальное, что я услышал от хозяина дома, мне было уже известно. Но меня не покидало чувство, что он не договаривает. Каждое слово давалось ему с трудом. Он боялся. Боялся меня. Боялся городского начальства. Боялся собственного языка, который мог сказать лишнее. Похоже, боялся даже собственной памяти.

Я не выдержал и сказал что-то по поводу его гипертрофированных, атавистических страхов. Он вспыхнул — и его прорвало.

Когда-то и ему довелось побывать «на Дзержинке». История довольно заурядная. В то время — дело было сразу после войны — он работал мотористом (если мне не изменяет память — у тех же речников). Произошла какая-то поломка, стали, ясное дело, выискивать злоумышленника и вредителя. Вот и мотористу пришлось побывать в том самом здании. Допрашивал его некий чин, здоровенный детина. Бить, правда, не бил, но табуреткой замахнуться посчитал полезным. От страха бедолага моторист забился под стол, чем немало развеселил следователя... А что, может, тот и в самом деле пошутил? Если так, то бывший моторист до сих пор шутки той не понял, хотя времени — сорок лет — было предостаточно. До сих пор уверен, что тем только и спасся, что позабавил гражданина начальника.

Вроде бы беседа пошла легче.

— Извините, а как вас по отчеству? — спросил я.

Маленький человек в очках вздрогнул.

— А зачем вам знать? — спросил он с прежней отчужденностью.

— Гм... Я моложе вас. Мне неловко обращаться к вам по имени.

— Не скажу. Не надо мне это. Не надо... — его голос, став на полтона выше, зазвучал взвинченно.

Ладно, раз такая история, обойдемся не только без отчества, но и без имени и фамилии. Уважим чужие страхи. Оставим за человеком хотя бы право на самоуничижение, раз уж он не знает за собой иных прав. Что мне о нем известно? Обыкновенный маленький человек. Обидчивый, мнительный, слабый. Для него смертная мука отремонтировать дом, выпросить бросовый горбыль на дрова. Но не надо быть тонким психологом с табуреткой в руках, чтобы сразу понять: этот маленький человек совершенно безобиден и абсолютно добросовестен. О том вышедшем из строя дизеле он рассказывал с редкой дотошностью, словно в очередной раз перебирая все его винтики.

И это ж надо в такую подворотню загнать человеческую душу!

Напоследок еще одна зарисовка с натуры, совсем невеселая.

Представьте себе: мужчина лет тридцати, а значит с учетом общего крена в инфантилизм, его можно назвать молодым. Среднего роста, заурядная внешность... М-да. Занятно: лица не могу припомнить. Говорю искренне, без расчета на дешевый эффект. Какая-то очень нейтральная внешность. В памяти остались разве что руки: грубоватые руки рабочего человека, с окурочной желтизной между пальцами. Он и тогда курил, сидя на низенькой лавочке. Сидел, закинув ногу на ногу, а руки с дымящейся сигаретой держал на коленях, на виду. Вот они и запомнились.

Имени не могу назвать при всем своем желании. Не знаю. И не интересовался. Случайный человек. Вечер был славный, теплый. Вместе с товарищами он вышел из пожарной части посидеть на воздухе. И мне не сиделось в местной гостинице «Заря», она рядом. Время было позднее, но в конце июня в Колпашеве самые настоящие белые ночи, на улице вполне можно читать газеты. Помню, в руках одного из пожарных была книга. Когда я подошел, они травили анекдоты.

Меня интересовал Бурков, начальник городской пожарной службы. Тот будто бы со своими офицерами тоже принимал участие в ликвидации захоронения. Ничего по этому поводу узнать не смог, зато нарвался на встречный вопрос:

— Материал собираешь?

Задал его тот самый молодой человек — с насмешкой и вялым любопытством. Я смутился. Роль собирателя городских сплетен — не самая приятная. Но до обобществления информации мы не доросли, архивы не про нашу честь. Вот и приходится побираться на улице.

— Сто лет те мертвяки не нужны, — добавил он неприязненно.

Эту фразу — если ее выгрести из заносов мата — он повторил на протяжении разговора раз десять. Право, меня просто поразили агрессивность, озлобленность, едва ли не обида, что его тихий быт кто-то тогда потревожил. Если бы это было обыкновенное равнодушие, то куда ни шло. Мало ли их, «кто ни

холоден и ни горяч»...

Эх! Откуда только порода эта архаровская, говоря словами Распутина, взялась? И это есть человеческий продукт социализма? Полюбовался бы Владимир Ильич, кого его наследники выпестовали.

Всем недоволен. Но менять бы ничего не стал. Только открыл бы с десяток винных магазинов. А то в Колпашеве сейчас лишь один, 18-й, торгует спиртным (там же, на Дзержинского). В соседнем Тогуре вообще нет. Злорадствовал, что в Белом Яре на июньские выборы голосовать пришли только 25% избирателей — остальные якобы их игнорировали, выражая тем самым протест против антиалкогольной кампании (Белый Яр — это город лесорубов западнее Колпашева).

Но это, конечно, мелочи. В целом он лоялен. Налейте ему, ответственные товарищи, стакан — и он мигом проявит гражданскую сознательность, побежит голосовать за вас. Или за Маргарэт Тэтчер — как изволите. Только не надорветесь ли штурмовать с такой гвардией светлое поднебесье? Кому наплевать на прошлое, наплевать и на будущее. Или вы уже раздумали его штурмовать? Вам и так неплохо?

И как заодно не вспомнить того недочеловека, нашего с вами соотечественника, который выловил в Оби труп и прислонил его стоймя к дереву недалеко от бивачного места, где иногда останавливаются рыбаки. Чтоб поугатать, значит. Шутка такая, понимаете? Еще меня поразило, что мальчишки вываривали головы мумий в ведрах — чтобы отстала кожа. Что поделать, во все времена у родителей были те дети, которых они заслуживали.

6

Тотальное насилие, уничтожая одних, одновременно уродует души остальным. Это всегда преступление против всех, против каждого. Та часть человека, суть которой его человеческое достоинство, истлевет и заполняется страхом, и нравственная эта каверна передается по наследству. Вот и возможный ответ на шукшинское: что с нами происходит? Вернее — произошло.

А люди, лишённые чувства человеческого достоинства, превращаются в аморфную пластилиновую массу, из которой можно лепить все что угодно, даже то, что противоречит здравому смыслу и совести. Но ничего — прочного и долговечного.

Первая, наиболее зримая примета болезни — девальвация в общественном мнении человеческой жизни как таковой.

Пару лет назад советские газеты дружно возмутились, что большинство французов, как показал один из опросов, не знает о потерях Советского Союза во второй мировой войны. Помилуйте, а мы-то сами можем ответить на подобный же вопрос из собственной истории: скольких жертв стоила народу гражданская война?

Цифра, которую назвал в «Литературной газете» от 30.09.87 член-корреспондент АН СССР Ю. Поляков, должна была поразить всех, кому удалось

ее заметить в конце пространного и в целом куда менее информативного текста. Должна была поразить и сама по себе, и как свидетельство нашего всеобщего, насажденного свыше невежества.

Даже Советская историческая энциклопедия в 16-ти томах утверждает: потери Красной Армии на фронтах составили 1 000 000 человек, общие потери населения — 8 000 000. Такое отступление от истины одной лишь нехваткой статистических данных объяснить невозможно. Только лишь преднамеренной ложью. По оценкам Ю. Полякова, население России за период с 1918 по 1923 годы сократилось на 13 000 000 человек — вместо того, чтобы увеличиться на 25 000 000. Эмиграцию после революции оценивают в 3 000 000 человек. Еще надо учесть, что не были рождены дети теми, кто умер или уехал. Все равно людские потери составят цифру того же порядка, что и цифра, за незнание которой советские газеты так обиделись на французов.

Какие мы широкие люди! Миллион туда, миллион сюда... Политическая подоплека подобной душевной широты (точнее — растяжимости) понятна и несмышленьшу. Первая мировая война закончилась Версальским договором летом 1919 г. (а военные действия прекратились и того раньше). А в России еще годы лилась кровь и свирепствовал мор. Обещание мира в соответствии с известным декретом и реальный ход истории разительным образом не совпали.

В «Государстве и революции» Ленин обещал: «подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле» (ПСС, т. 33, с. 90). Но «дешевле» не обошлось. Не чураясь арифметических выкладок при решении вопросов социальной справедливости, Ленин даже рисковал назвать «стоимость» всемирной революции — полмиллиона, миллион человек (ПСС, т. 37, с. 60). А вышло так, что только для России гражданская война обернулась трагедией, соизмеримой с нашествием Гитлера уже в количественном отношении, а в нравственном — во сто крат еще более страшной: брат убивал брата, сын отрекался от отца.

И тем не менее официальная история, словно в гроб, вгоняла реальность в ленинский канон. Историческая ложь стала государственной политикой. Но разве была бы она возможна, если бы не наша редкостная душевная податливость?

Англия поименно назвала погибших в Фолклендском конфликте. Америке хватило мужества и совести поименно перечислить шестьдесят тысяч убитых и пропавших без вести во Вьетнаме. А уж казалось бы — чем тут гордиться... Лишь недавно случайно узнал — воистину все эти годы мы жили в вылепленном из газетных словес мире! — что подобный же монумент в память погибших во время второй мировой войны немцев воздвигла Западная Германия. Памятник-покаяние трагедии, в которую была ввергнута нация фашизмом. Что ж, мужеству следует учиться и у врагов, тем более — у врагов вчерашних.

Но в нашем самом передовом на свете мировоззрении не в большом почете такие категории, как уважение к врагу и милосердие, терпимость и прощение, грех и раскаяние. Слова эти даже царапают слух своей архаичностью. Прискорбно. Нет пророков в своем отечестве? И авторитет Толстого — только для школьных уроков литературы? «Нет раскаяния — потому что нет движения вперед, или нет движения вперед, потому что нет раскаяния. Раскаяние это как

пролом яйца или зерна, вследствие которого зародыш и начинает расти и подвергается воздействию воздуха и света, или это последствие роста, от которого пробивается яйцо... важное и самое существенное деление людей: люди с раскаянием и люди без него».

Тридцать лет назад принять покаяние народ не пожелал. Более возненавидел Хрущева за сумасбродство и экономические неудачи (зачастую спланированные за его спиной соратниками по партии, готовившими смещение чересчур ретивого и излишне совестливого генсека). Движение прекратилось, духовный столбняк был неизбежен...

Об уважении к врагу и говорить нечего. Скажи кто-нибудь, что афганцу должно быть среди мятежников, что национальная гордость велит гнать в три шеи чужака, который заявился в его дом с оружием, — и люберецкие патриоты тут же устроят такому умнику политсеминар в подворотне. Куда уж тут понять душу другого народа. Вот если бы объявился некий аятолла, вознамерившийся силой оружия устроить в России мусульманский рай — с пятикратным намазом, гаремами, избиением шлях камнями, запретом передавать музыку по радио (Хомейни так и сделал, заявив, что «музыка — это опиум для народа») — тогда другое дело. Тут патриоту все ясно и понятно, все по уставу. Рвать такого аятоллу на части, побить его камнями есть священный долг и обязанность.

Лучшие из людей способны думать своей головой и чувствовать за другого человека, худшие — чувствуют только за себя и живут чужими мыслями. Еще одна полезная мысль Толстого.

Считаться с человеческим достоинством способен лишь тот, кто сам им наделен — можно взглянуть на проблему и с этой стороны.

Каждый невинно загубленный и с безразличием забытый — свидетельство нравственного одичания народа, и страшно, если счет им идет на миллионы. Уже поэтому полезно знать, какими мы выйдем в глазах тех, кого прочим в соседи по общему европейскому дому.

Исключительно велик вклад в формирование общественного мнения книги историка Роберта Конквиста «Большой террор». По Конквесту, в 1937 г. в советских концлагерях сидело 12 000 000 человек. Из них было расстреляно около 1 000 000, еще 2 000 000 умерло от эпидемий, голода, обморожения и т.п. Число погибших во время коллективизации Конквест оценивает в пятнадцать-шестнадцать миллионов человек.

Полезно также знать, что на Западе имеет хождение рапорт ОГПУ, якобы попавший в руки фашистов при захвате Смоленска. Там называется цифра умерших от вызванного коллективизацией голода — 3 500 000 человек. Если этот документ не является фальшивкой, в него могли попасть данные о смертности от голода в центральных районах страны. Но вряд ли в эту цифру включались те, кто без следа сгинул в ссылке. А что творилось среди спецпереселенцев Нарымского края, я уже упоминал. По числу погибших — два тихих, неизвестных миру бухенвальда, где людей убивали не выстрелами, а голодом и холодом.

Существуют оценки западных демографов. Они основаны на разных допущениях и различаются очень сильно. Обобщая их, профессор Максудов из Гарварда называет следующий диапазон цифр, полученных разными авторами. Минимальная цифра потерь населения сверх естественной смертности за период между переписями населения 1926 и 1939 годов — 2 700 000 человек.

Максимальная — 20 500 000. Но большинство демографов обычно называют цифру порядка 10 000 000. Сам Максудов оценивает потери населения в период коллективизации приблизительно в 8 500 000 человек. Причем связывает насильственную гибель людей прежде всего с коллективизацией.

Как бы эти цифры ни соотносились с действительными, они с абсолютной точностью — по природе своей — соответствуют тому, что о нас думают многоуважаемые соседи по ту сторону границы. Почему у них могло укорениться безразличие к принесенным нашей страной жертвам? Народ, занимающийся самоуничтожением, поначалу вызывает ужас. Но всякий стресс закономерно сменяется апатией и равнодушием, тут ничего не поделаешь.

О голоде на Украине я узнал не из курса Истории КПСС, а от матери. Её семья жила в селе Ястребщина под Сумами. В соседних районах люди вымирали целыми деревнями. Семье деда чудом удалось выбраться на Урал. Москва же, в которой они были проездом, мою мать, тогда девятилетнюю девочку, потрясла до глубины души запахом белого хлеба — где-то недалеко от вокзала попалась булочная. И именно такой запомнилась на всю жизнь. На Украине — череда смертей, сосущая изнутри мечта о кружке обраты. Тут — этот сытый запах. Даже сейчас, став москвичкой, мать вспоминает его. И подобно многим людям ее поколения и схожей судьбы, никогда не оставляет в тарелке недоеденного куска.

Для кого Москва белокаменная, для кого — белохлебная...

И странно было однажды обнаружить среди старых бумаг справку, выданную старшему лейтенанту запаса органов НКВД Запечкой Татьяне Харитоновне, то есть моей маме, в том, что она... Впрочем, это уже не существенно. Смешалось в одной жизни: и голод коллективизации, и работа в течение полутора лет вольнонаемным врачом в ИТК № 5 г. Омска — звание было присвоено задним числом...

Все это безрадостный груз общего прошлого. А будущее?

Решающее слово за экономикой, в конце концов она все подомнет под себя. Сложившаяся на сегодня ситуация не способствует возрождению искалеченного человеческого «я». Более того, реально существующая система — это система экономического унижения человека, автоматически переводящая многие острые социальные болезни в разряд хронических.

Дефицитная и отсталая экономика, взявшая уравниловку за принцип, не только унижает человека очередями и отсутствием необходимого, она с редким цинизмом оставляет в непомерном выигрыше того, кто, мягко говоря, в выборе средств неразборчив. Честному человеку всегда и повсюду жилось труднее, это почти норма, но ведь всему есть мера!

Как-то довелось услышать от друзей-геофизиков об одном унижительном случае. Пригласили двоих коллег-иностранцев, приехавших к нам по делам фирмы, в гости. Сидят за столом, беседуют. Спрашивают иностранцев: «Что на вас в Москве произвело самое сильное впечатление?» Переглянувшись, те отвечают с восторгом: «О, у вас такие дешевые женщины!» Это о проститутках. Знали бы они, что эти девки, обменяв доллары на рубли, исхитряются получить за вечер «вежливой услуги» зарубежья 5–6 месячных окладов врача.

Шведский порножурнал поместил на обложке фотографию «жертвы общественного темперамента», демонстрирующую свой профессионализм на

фоне Кремля (фотографировали в одном из номеров гостиницы «Россия»).
Надпись: «За столько-то крон русачки готовы на все!» Что, будем ждать наплыва туристов и валютных поступлений в казну?

А теперь сами рассудите здраво: стоит ли рассчитывать на светлое будущее обществу, поставившее в экономически привилегированное положение уличную шпеху? Или его ожидает что-то другое?

Как-то Лесков заметил, что русский человек, может быть, тем только и хорош, что слишком мало себя ценит. Мимоходом оброненная эта мысль многое дает понять: и в способности к самопожертвованию, и в былой тяге к общинному укладу жизни, и в той природной социальности, которую Достоевский называл всечеловечностью.

Если качество это дает силы выстоять в страшной войне с фашистской Германией — тут есть чем гордиться. Но есть над чем и призадуматься. В сущности, горестен удел народа, который, как в зеркале, может увидеть подлинное свое лицо лишь в подобных трагедиях... Да и способность к мировому состраданию может обернуться желанием на свой лад осчастливить весь остальной мир — пусть себе в убыток, пусть силой — но осчастливить.

И еще: много ли даст тот самый российский всечеловек за людское счастье или отдельную человеческую жизнь, если речь идет не о всем человечестве оптом, а об отдельной личности? Не получится ли так, что готовность пожертвовать за идею животом своим вырождается в готовность не пожалеть и чужого?

С русским человеком революцию сделать было легко. Но есть цели революций, и есть итоги революций. Дистанция между ними может быть огромна. Целью социалистической революции в России была ликвидация эксплуатации человека человеком. Итогом явилось другое зло: принуждение человека государством, часто — жестокое.

Вспоминается анекдотически-грустный рассказ Большакова. Некий двадцатитысячник, посланный Кировым к нарымчанам, агитировал сеять лен. Крестьяне отказывались, очень уж сомнительна была затея. Тогда ленинградец дискуссии прекратил: «Или лен, или сибутлон». Сибутлон — это для рифмы. А имелся в виду Сиблаг, Сибутлаг или что-то вроде того. Но разъяснения нужны нам с вами, крестьяне поняли с полуслова... Стали выращивать лен, в деревне Могильный Мыс существовал льнозавод, принадлежавший ОГПУ, да где все это?

Неудавшаяся попытка создать экономику неэкономическими методами явилась своего рода шаманством, когда с помощью заклинаний и жертвоприношений растят урожай или вызывают дождь. Язык, приходя на помощь разуму, выдавал внутреннюю абсурдность затеи: «экономика» и «неэкономические методы».

Единственно достойной целью общественных преобразований является изгнание из жизни общества безнравственных и преступных средств как способа самореализации членов общества, в такой постановке вопроса абсурдность нечаевского принципа «цель оправдывает средства» очевидна — а принцип этот, надо признать, стал важнейшим для высшего партийного руководства, наполнившись к тому же конкретным и бесчеловечным содержанием: цель оправдывает жертвы. «Люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются» — заявил однажды Сталин, выдавая

индугенцию исполнителям своей преступной воли.

И как это ни грустно, от российского всечеловека, в слепоте и чрезмерной простоте своей поверившего вождю, оказалось не так далеко до германского сверхчеловека. В намерениях они были на разных полюсах. Но суть человека — его поступки, а поступки — те самые средства, которыми он пользуется. Кровь — непомерно высокая плата за прогресс, ведь заскорузлая человеческая кровь в конце концов принимает коричневый оттенок. Это закон природы...

Любая идея общественного развития может подвергнуться непредсказуемым мутациям, если между ней и человеческой личностью нарушается своего рода паритет. Если в угоду интересам общественного развития поступаются интересами личности, то получаемые при этом выгоды носят ложный характер. Последнее слово всегда принадлежит человеку, а не идее. Ведь именно он является ее носителем, ее толкователем, он обеспечивает ее воспроизведение, он является двигателем общественного механизма. Если идея общественного развития не выражена в категориях нравственности и личной заинтересованности, она рано или поздно утратит ясность, смысл и силу.

Явившись в Россию, марксизм был идеей свободы — первый марксистский кружок, как известно, назывался «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — и целью своей ставил освобождение трудящихся от эксплуатации, от рабства экономического. Идея свободы — это как раз то, что близко и понятно каждому индивиду. Но не прошло и десяти лет после революции, и новый класс власть имущих стал ощущать в ней некий не то анархистский, не то буржуазный душок — так как идея свободы уже противоречила монолиту государственности, которую они олицетворяли собой. Теперь им более по нраву была другая идея: жертвенности. Вчерашний революционер превратился в бюрократа. Вчера он был готов жертвовать собой, теперь он требовал жертв от других. На благо государства, которое, по Марксу, является собственностью бюрократа.

В итоге вытребовано было в жертву человеческое достоинство.

«У миллионов демоса (кроме слишком немногих исключений) на первом месте, во главе всех желаний, стоит грабеж собственников. Но нельзя винить нищих: Олигархи сами держали их в этой тьме и до такой степени, что, кроме самых ничтожных исключений, все эти миллионы несчастных и слепых людей, без сомнения, в самом деле и наивнейшим образом думают, что именно через этот-то грабеж они и разбогатеют, и что в том-то и состоит вся социальная идея, о которой им толкуют их вожаки... Тем не менее они победят несомненно и если богатые не уступят вовремя, то выйдут страшные дела. Но никто не уступит вовремя, — может быть, и оттого, впрочем, что уже прошло время уступок. Да нищие и не захотят их сами, не пойдут ни на какое теперь соглашение, даже если б им все отдавали: они всё будут думать, что их обманывают и обсчитывают. Они хотят расправиться сами».

Эти мрачные пророчества грядущих социальных потрясений высказаны Достоевским в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., вскоре после Парижской коммуны. Искусство пророка не так уж сложно, надо лишь уметь вглядываться в прошлое?.. И тот же Достоевский устами одного из своих героев назвал социализм «мыслью великой». «Мысль великая» и «страшные дела». История поставила их рядом. Почему? Об этом скорбеть не одному поколению.

Российское крепостническое наследие? Не только. Неразвитое личностное

самосознание и вытекающее отсюда пренебрежение к святости человеческой жизни, допущение насилия для разрешения конфликтов — лишь питательная среда, благоприятные внешние условия для робеспьеров. Сама идея социального переустройства в своем генетическом коде должна была иметь какую-то особенность, даже изъян, чтобы претворение ее в жизнь допускало возможность аномальных мутаций.

Печально, но идея социальной справедливости была истолкована как идея мести, как идея торжества вчерашних рабов над прежними хозяевами жизни, как «грабеж собственников», хотя это было не единственным возможным ее толкованием. Вот, говоря языком математики, точка бифуркации, точка ветвления.

На Западе часто отождествляют социализм и национал-социализм, объявляя их различными формами одного явления — тоталитаризма. Легко им, посторонним, судить. А нам с идеей социализма еще жить да жить — хотя бы в качестве красивой несбывшейся мечты... Различие все-таки есть, он — в исходных посылах. Освобождение человека от экономического порабощения, противодействие агрессии частной собственности не означает физического уничтожения класса имущих и может вестись в рамках демократии — законодательно, налогами. Нацизм же ставил своей целью построение «идеального» общества как общества «идеальной» породы людей, единственным средством достижения этой цели мог быть только геноцид.

Вот, пожалуй, и ясный критерий, в какой момент идея социальной справедливости способна подвергнуться мутации, покоричневеть. Революция, которая не умеет себя защитить, ничего не стоит. Но и победившей революции, не способной быть милосердной — грош цена.

Проекты идеального общественного устройства, опирающиеся исключительно на гипотетические достоинства людей, заражены пошлым и опасным идеализмом. Как ни странно, многие виды философского идеализма в плане сугубо практическом как раз вполне безвредны, так как не требуют от реального человека ничего сверх меры. В то же время доктрина, взявшая на себя труд создать идеальное общество как общество идеальных людей, такой безобидной уже не является. Ибо требует от человека непомерно много — совершенства.

При этом планка человеческих достоинств поднимается столь высоко, что человеку, еще не успевшему гармонически развиваться по книжным указаниям классиков, остается лишь украдкой лезть низом, под ней. Или идти в обход. Дело доходит до фарса. Испытуемый делает вид, что он не нарушает установлений. Судьи делают вид, что правила не нарушены. Любопытный случай лжи, когда лгут все, нет обманутых и нет уличенных во лжи. Ложь проявляет себя как универсальный принцип человеческого существования.

Человеческие пороки были, есть и будут. И самая совершенная утопия рискует затрещать по швам, когда придет время практически решать вопрос, что делать с несовершенными человеческими особями и удастся ли на этот раз обойтись без газовых камер и голодного мора. Тоже, надо сказать, неплохой тест для уяснения, чего стоит та или иная социальная теория...

...а в полном виде слова Достоевского звучали так: социализм — мысль великая, да исповедующие не всегда великаны.

Под всеобщие аплодисменты, ласково улыбаясь, Сталин обнимает своего любимца Александра Косарева и в то же время тихо шепчет: «Предашь — убью». Тот бледнеет. И действительно, жить Косареву осталось совсем немного. Мало заметный эпизод среди всеобщего душегубства. Ну, а если на миг задуматься над смыслом этой сцены? Ведь страшна она не только иезуитством Сталина, но и тем, что совершенно естественна для обоих — и для палача, и для жертвы. В какие еще времена такое возможно? Будто средневековые вновь на монаршем дворе, будто не было и в помине предыдущего золотого века русской культуры... Если сдвиг общественного самосознания лет на двести назад называют прогрессом, то что же тогда называть издевательством над здравым смыслом?

Слишком для многих сцена эта естественна. Какой, мол, спрос с чингисханов и петров великих? Как и с остальных! То-то и беда, что все» по старинке холопами числим себя перед ними. Попытка выпестовать демократию в обществе, духовной жизни которого более близка эпоха феодализма, подобна все той же попытке вырастить баобаб в горшке для резеды.

Мы связаны со сталинщиной пуповиной, которая истончилась, оборвалась и отпала, но духовные гены той эпохи вошли в плоть и кровь живущих ныне. Страх, правда, ушел куда-то вглубь, сама болезнь приняла вялотекущий характер, да и происхождение ее в силу невыраженности симптомов стало неочевидно. И не страх вроде бы, а так, жизненная установка: выше лба уши не растут. Совсем как в салтыковской «Вяленой вобле», замечательной проницательности, надо сказать, был автор. Далеко глядел, лет на сто вперед...

Я не без умысла то и дело вспоминаю классиков. Жаль, что русские революционеры, потев над Карлом Марксом, не потрудились понять своих великих соотечественников — хотя бы для того, чтобы лучше уяснить, с каким народом они собираются делать революцию. Уж лучше о ежовых рукавицах вычитать у Салтыкова-Щедрина, чем видеть их на известных плакатах того времени. Уж лучше бесноватым бесноваться на страницах романа, чем в огромном государстве. Вот ведь незадача! Архискверный Достоевский, как его назвал Ленин, обидевшись за *тот* роман, оказался архипроницательным.

Если человека унизили страхом, надругались над его правом быть человеком, — об этом следует по крайней мере помнить. Утрата человеческого достоинства состоит из двух стадий. Сначала человек принимает унижение как неизбежность, потом — вообще забывает, что его унизили. То есть воспринимает унижение как нечто должное.

Именно с такой меркой надо относиться к тому, что предавались забвению преступления сталинизма — как к уничтожению чувства национального достоинства целого народа. Если бы о преступлениях Сталина не заговорили как о преступлениях, это слово надо выбросить за ненадобностью из русского языка. Но почему вопрос о них решался не на всенародном суде, а на партийном съезде? Многие достойные люди говорят о невозможности такого суда. А почему, собственно? Деменюков и Линнасов судить можно, а сталинских палачей нельзя? В чем логика? Уничтожение чужого народа — преступление, а своего собственного — политический перегиб, теоретическая ошибочка? Изнасилование случайной прохожей — преступление, а собственной матери или сестры — нет? Не о мести речь, а об исполнении законов. О равном отношении к преступникам,

какой бы партбилет они не носили в кармане. Международную конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, принятую в ноябре 1968 г. на 23-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подписала и наша страна. Если то, что творилось под вывеской коллективизации, — не геноцид, то что такое геноцид?¹ Сомневаюсь в праве быть великодушным не за счет себя, а за счет тех, кого сгноило в нарымских болотах урвавшее власть зверье. К тем, кто насиловал и убивал собственный народ, испытываю исключительно гадливость, и уже поэтому суда над ними жаждать не могу. Но и прощать их нас никто не уполномочил. Как быть — не знаю.

Мемориал жертвам репрессий будет — теперь это очевидно. И место хорошее для него найдется. Например, там, где находится столичный бассейн «Москва». А заодно восстановить бы храм Христа Спасителя, который был построен когда-то, напому, в честь избавления России от другого антихриста — Наполеона. Так что соседство — или даже объединение — обоих памятников было бы уместно. Здесь можно было бы создать целый мемориальный центр — с общественной библиотекой, архивами, лекционными залами.

Пока же на том месте растекается, как выразился один из нынешних литераторов, хлорированная лужа. А где-то выше по течению, на Фрунзенской набережной, 52, спокойно доживает свой век человекоподобная мерзость по фамилии Каганович, один из организаторов террора, у которого руки по локоть в крови. Тот, кто и взорвал храм, чтобы на его месте построить здание до небес. Его следовало судить вместе с Риббентропом и Кальтенбруннером. Он же, регулярно получая 120 р. пенсии за тяжкие труды свои, тихо хиреет в ожидании того часа, когда катафалк отвезет его на одно из престижных московских кладбищ. И мы дышим с ним одним воздухом, ходим с ним по одной земле. И пенсию ему платим — тоже мы.

Да... То, что произошло с нашим народом, — недостойно его.

Нравственность — это инстинкт самосохранения общества. Общество подошло к краю пропасти, и он напомнил о себе. Нравственность нормативная, разложенная по параграфам догматиками, затрещала по швам. Зато зримы стали поиски нравственных примеров, воплощенных в целостных человеческих судьбах. Интерес к «возвращенной» литературе — тому свидетельство. Нравственный авторитет сохранился лишь за теми, чья жизнь была подвижничеством. А значительное содержание той литературы, которой не хватает, но которая, смею думать, не за горами, можно определить так: в поисках утраченного человеческого достоинства. В этом проявит себя возрождение человеческой личности. Не эгоцентризм, но исполненное достоинства право сказать по-платоновски: без меня народ неполный.

У каждого народа та литература, которую он заслуживает.

¹ Отечественные энциклопедии проявляют некоторую политическую стыдливость, называя геноцидом массовое убийство людей по расовым, национальным и религиозным признакам. А по идеологическим, сословным, классовым — как в Кампучии, например? Ведь преступления Пол-Пота, злодеяния которого по числу невинно замученных уступают сталинским по меньшей мере на порядок, признаны геноцидом официально (и «Юридическим энциклопедическим словарем», о котором в данном случае идет речь. См. 2-изд. М., 1987, стр. 76).

Накануне отъезда из Колпашева я еще раз пришел к тому месту, где, зависая над мутной водой изломанной кромкой асфальта, обрывается в никуда улица Ленина.

Было буднично и мирно, близился вечер. На далеком фарватере, отмеченном флуоресцирующим, источающим оранжевый яд бакеном, громоздились два неподвижных нефтеналивника. Мимо, отчаянно мигая проблесковым маячком, тянул тяжелую баржу маленький буксир.

Час назад прошел короткий летний дождь. На дорогах кое-где стояли лужи, но на обочинах земля жадно, залпом, впитала влагу и была почти сухая. Ветер успел отогнать облака, и небо, лишь слегка припухшее на горизонте, уже просветлело. Где-то справа висело невысокое, но упорное сибирское солнце, красиво освещавшее противоположный берег. Там как-то по-пляжному, как-то совсем неуместно розовел песок.

И все-таки посвежело. В здешних местах странный ветер — стервозный, непоседливый. Даже в самый солнечный день. Эта равнина совершенно открыта от Ледовитого океана до Алтая, ветру здесь вольно. Да и в городе просторно. Дома, поднимающиеся выше второго этажа, пока еще можно считать едва ли не по пальцам. На широких улицах много деревьев, и ветер постоянно путается в их кронах над крышами домов, шумит листвой, создавая иллюзию того, что он всегда в силе, всегда в движении. А для убедительности порой еще поднимет и погонит вдоль берега легкую, но едкую тучу светлой пыли... Это после дождя, прибитая к земле, отяжелевшая от влаги, она неподвижна.

Потому так свеж предвечерний воздух.

Пахло рекой, но в ее густой пресный запах врезалась тянущаяся с ближайшего двора, где повизгивала циркулярная пила, пряная опилочная струя. Обычный здесь запах.

Подавшись вперед, к воде, на самом краю обрыва стоял тополь. Через несколько месяцев дерево рухнет вниз, вслед за другим таким же тополем, чей черед уже наступил. Полуживой, со скудными остатками зеленеющей листвы, тот накрепко вцепился корневищем и ветвями в илистое дно и пока не давал течению унести себя прочь.

Но рано или поздно Обь возьмет свое.

Тополь на обрыве — это все, что осталось от сквера у здания НКВД. Или он из нового поколения? Ведь тополя быстро тянутся вверх и легко отживают свое. Всему свой срок рождаться и умирать: людям, деревьям, идеям. Впрочем, идеи рождаются вместе с людьми и вместе с людьми умирают, не раньше. Как и от собственных детей, люди редко отказываются от выношенных ими теорий. И иногда идеи успевают убивать тех, кто их выпестовал.

Когда-то улица, сиротливо уткнувшаяся в обрыв, носила другое имя — Вегмана. В 1938 г. большевика Вегмана расстреляли, улице дали имя Стаханова, и лишь позже — Ленина.

Но все кануло в прошлое. Вымощенная торцами лиственничных кругляшей улица Вегмана сменила название, покрылась асфальтом. Исчез «централ»...

Немалое усилие надо совершить над собой, чтобы вообразить в пустоте у самого берега, над тем местом, где сейчас играет тревожной свинцовой рябью вода, этот мираж: двухэтажное здание из бревен, высоченный забор с колючей проволокой наверху, разбредшееся по пустынной улице стадо коров, злые окрики часового, стоящего на сторожевой вышке, и перепуганный пастушок, торопливо взмахивающий кнутом... И такой же ничейный, бездомный ветерок в вышине.

И еще прячущаяся за углом дома девочка, которая с надеждой глядит на ворота НКВД и ждет, что ей вернут отца.

Ровно пятьдесят лет назад в этот призрак-острог, в эту повисшую над рекой пустоту навсегда ушел школьный учитель Михаил Георгиевич Смирнов.¹ Славный, честный, порядочный и добрый человек. Ушел, как и бесчисленные другие жертвы человеческой глупости, жестокости и подлости. Ушел, чтобы не мешать остальным строить светлое будущее. То самое будущее, которое стало нашим настоящим. Со своими достоинствами, со своими недостатками, но в общем-то довольно обыденным и не таким уж светлым, сказать по совести. Так все же как, оправдала цель жертвы? Пора бы и подвести итоги.

Если добираться до Колпашева из Томска по реке, можно увидеть по берегам с десятков поселков. Причем Колпашево — уже крупный город. А так — только низкие безлюдные берега. Такие низкие, что кажется, будто в реке слишком много воды, слишком она полноводна. И ни души. Плыть же больше трехсот километров...

Еще больше поражаешься малой обжитости этого края, когда летишь самолетом.

Петляет, вольно растекается по бесчисленным протокам Обь, оставляя по сторонам старицы, озера. С реки всего этого не видишь. Подчас начинает казаться, что протоки — это следы чьей-то гигантской пятерни, с непонятным умыслом расписавшей таежные просторы. Во многих местах деревья стоят полузатопленные, и солнце, отражаясь от воды, бежит по тайге неожиданным слепящим пятном вровень с тенью от самолета. Изредка перерезают тайгу просеки или пустынные дороги. Мир на следующий день после всемирного потопа.

Странно и печально, что на этой бескрайней земле не нашлось места миллионам людей, а сами они оказались пригодны только для того, чтобы лечь костями в страшные поленницы.

Суеверным себя не считаю, но когда думаю о колпашевской могиле, признаться, в душу закрадывается смутный страх. Есть нечто выходящее за пределы человеческого разумения в том, что эта земля, сама природа не приняла людские останки, не впитала их в себя, не дала им прорасти травой и деревьями, но сохранила их нетленными и, словно испытывая нас на совесть, сама же их открыла: «Вот что вы творите, звери!»

И начинает казаться, что люди, у которых во имя нашего с вами скудного благополучия были отняты жизни, а после жизни — право на память и могильный камень, так и не ушли. Не могли уйти, потому что был попран тот глубинный закон человеческого бытия, в соответствии с которым человеку

¹ В апреле 1989 г. я получил из Колпашева хорошее, доброе письмо от Галины Михайловны, в котором она сообщила: «Получили мы такую страшную справку, что Смирнов М. Г. в октябре месяце 1937 г. приговорен „тройкой“ к расстрелу. Теперь не может быть сомнений, что папа в нашем яру...»

надлежит прийти в этот мир, жить в нем и умереть, уступая место своим детям, внукам и правнукам. А этих людей не просто убили. Им не дали жить. Их изъяли из круговращения природы. Выкинули и забыли, сделали все, чтобы не вспоминать. Оставили на этой земле миллионами безмолвных неприкаянных теней, носимых без цели порывами этого странного здешнего ветра. Так и суждено нам существовать вместе: безмолвным неушедшим и молчаливым живущим. Тем, кого принесли в жертву. И тем, кто эту жертву принял, — своим молчанием.

Один австрийский психиатр как-то заметил, что человеческое безумие начинается с потери стыда. А душевное здоровье общества, нации? Когда-то слово «позор» в русском языке означало «зрелище», «то, что видят другие». Это значение ушло. За ненадобностью? Зато прижился древний азиатский принцип: ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу. Но как и все чужеродное, принцип был использован не там, где полагалось, а там, где удобнее. И так, как удобнее.

Позора своего видеть не желаем. О позоре своем не желаем слышать. И о позоре своем никому не скажем...

Все было буднично и привычно на берегу Оби.

Там, левее, от треугольной вымоины в береговом обрыве готовилось отойти обшарпанное суденышко. Затарахтел мотор, и из узкой высокой трубы упруго ударила в небо копоть. От дизеля, словно из слива стиральной машины, хлынула грязная, пенная вода. Веснушчатый матрос в замазанной робе метнул пустую банку из-под тушенки в сторону кучи мусора и нырнул в трюм машинного отделения...

Говорят, что не весь этот чудовищный песчаный мавзолей был вымыт тогда. Будто бы осталась еще одна яма. Ее нашли с помощью буровых станков и залили не то кислотой, не то щелочью. Опять слухи, слухи... А вдруг правда? Вдруг *плохо* залили?

И что, снова поплывут трупы по Оби?

*июнь-октябрь 1987 г.,
октябрь 1988 г., май 1989 г.*